This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

05
3554
7.5

B 934,115

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1960.

ЧТЕНІЕ

ВЪ

БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ
1812 года.

NEW YORK
PUBLIC

61-212676-646

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770993A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

8c5
B554
v. 5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки, и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ Ноября 17 дня 1811 года.

Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковскій.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Нѣкогда разсуждали мы о преимуществѣ, какое родъ человѣческій получилъ пѣмъ единымъ что благость Божія, даровавъ намъ душу, даровала и слово, безъ котораго не могли бы ни чувства наши возвышаться, ни разумъ преуспѣвать, остриться и расти. Но сей величайшій даръ, сіе слово, толико отличающее насъ отъ безсловесныхъ тварей, толико превозносящее надъ ними, было бы заключено въ тѣсныхъ весьма предѣлахъ, не разширило бы ни понятій нашихъ, ни способностей, когда бы воля небесъ судила каждому изъ насъ порознь скитаться по лицу земли, когда бы не вложила въ насъ желанія составишь общества, называемыя держа-

NEBL JAN 21 1935

вами или народами, и не повелѣла каждому изъ оныхъ, размножаясь, жить подъ своимъ правленіемъ, подъ своими законами. Люди безъ сихъ обществъ были бы столько же злополучны, какъ безъ семействъ и родства. Не было бы у нихъ ни вѣры, обуздывающей страсти, исправляющей нравъ и сердце; ни воспитанія, просвѣщающаго разумъ; ни общежитія, услаждающаго жизнь; ни могущества, величія и безопасности, произлекающихъ отъ совокупленія во едино всѣхъ частныхъ волъ и силъ. Отъ сюду слѣдуетъ, что человѣкъ, почитающій себя гражданиномъ свѣта, то есть, не принадлежащимъ ни какому народу, дѣлаетъ тоже, какъ бы онъ не признавалъ у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Онъ исторгаясь изъ рода людей причисляетъ самъ себя къ роду животныхъ.

И такъ, когда Всемогущему Создателю міровъ угодно было устроить природу нашу таковою, чтобъ мы для безопасности и благоденствія своего совокуплялись въ разныя общества, и каж-

дое изъ оныхъ составляло бы едино тѣло и едину душу, то для лучшаго исполненія сей Всевышняго воли не худо разсмотрѣть обязанности наши къ сему сообществу, или великому, собственно нашему семейству, называемому Отечествомъ; не безполезно поговорить о любви къ нему, не скучно побесѣдовать о томъ священномъ долгѣ, которой всякому благородному сердцу толь сладостенъ.

Что такое Отечество? Страна, гдѣ мы родились; колыбель, въ которой мы возлѣлеяны; гнѣздо, въ которомъ согрѣты и воспитаны; воздухъ, которымъ дышали; земля, гдѣ лежатъ кости отцовъ нашихъ, и куда мы сами ляжемъ. Какая душа дерзнетъ расторгнуть сіи крѣпкія узы? Какое сердце можетъ не чувствовать сего священнаго пламени? Самые звѣри и птицы любятъ мѣсто рожденія своего. Человѣкъ ли, одаренный разумною душою, отдѣлитъ себя отъ страны своей, отъ единоземцевъ своихъ, и уступитъ въ томъ преимущество пчелѣ и муравью? Какой из-

вергъ не любитъ матери своей? Но Отечество меньшели намъ, чемъ мать? Отвращеніе отъ сей противуестественной мысли такъ велико, что какую бы ни положили мы въ человѣкѣ худую нравственность и безстыдство; хотя бы и представили себѣ, что можетъ найтися такой, который въ развращенной душѣ своей дѣйствительно питаетъ ненависть къ отечеству своему; однако же и тотъ постыдился бы всенародно и громогласно въ томъ признаться. Да какъ и не постыдиться? Всѣ вѣки, всѣ народы, земля и небеса возопіяли бы противъ него: одинъ адъ сталъ бы ему рукоплескать. — Отсюду происходитъ, что при всѣхъ порокахъ и страстяхъ человѣческихъ, при всей примѣчаемой иногда дерзости развращенныхъ умовъ и сердецъ, ни гдѣ не видимъ мы вопіянія противъ сроднаго каждому чувствованія любви къ отечеству. Напротивъ того не только единогласное во всѣхъ языкахъ слышимъ тому проповѣданіе; но и вездѣ, въ прошедшихъ и настоящихъ временахъ, тьмо-

численные находимъ примѣры, что сила любви къ отечеству препобѣждаетъ силу любви ко всему, что намъ драгоцѣнно и мило, къ женамъ, къ дѣтямъ нашимъ и къ самимъ себѣ.

Спартанка, мать троихъ сыновей составлявшихъ всю ея гордость и надежду, вопрошаетъ притекшаго во градъ гонца: что войски наши? что мои дѣти? Гонецъ отвѣчаетъ вздохнувъ: всѣ трое убиты. — Такъ гибнетъ отечество наше? — Нѣтъ, оно спасено, торжествуетъ надъ врагами — Довольно, сказала Спартанка, иду — Куда? — Во храмъ благодарить Боговъ. Вотъ сила любви къ отечеству: кого преодолѣла она? Материнское сердце!

Но что я говорю о Спартанкѣ? За чемъ ходить въ Грецію? Сколько такихъ Спартанокъ найдемъ мы у себя дома? Не видимъ ли въ прошедшихъ и нынѣшнихъ временахъ мужей, сыновъ, женъ, сестръ, матерей нашихъ, исполненныхъ любви къ отечеству? Воспомнимъ одинъ только примѣръ Пожарскаго и Минина, когда по гласу сего простаго купца,

по единому извѣщенію его о бѣдствіяхъ сограждан, безчисленное воинство, жертвуя состояніемъ своимъ и собою, стеклось добровольно для избавленія Москвы. Какая ревность и усердіе! Какое въ толикомъ множествѣ людей достойное удивленія единодушіе! Мужескій и женскій полъ, юноши и дѣвы, отроки и старцы, безъ всякой неволи, безъ всякаго принужденія, по единому подвигу любви, всѣ текупъ, всякъ со всемъ семействомъ своимъ, имуществомъ и домомъ. Нѣкто изъ нашихъ стихотворцевъ, описывая сіе произшествіе, прекрасно прибавляетъ:

И жены зрѣлище явили безпримѣрно,
Усердіе гражданъ дѣля не лицемѣрно.
Сокровища, привыкъ что нѣжный полъ цѣнить,
Онѣ въ даръ обществу спѣшили приносить;
Вручали Минину уборы тѣ драгіе,
Чемъ русые власы и нѣжны краслятъ выи,
И провождаемы числомъ своихъ дѣтей,
Оставившихъ серпы и плуги средь полей,
Прими отъ насъ, рекли, ты сей залогъ священный,
И сердцу матери толико драгоцѣнный!

Съ сей рѣчью въ сонмъ единъ дѣтей совокупивъ,
И горькими ихъ грудь слезами окропивъ,
Какъ часть самихъ себя отъ персей отрывали,
И трепетной рукой на брань благословляли.

Ѳемистоклъ, за всѣ свои заслуги изгнанный неблагодарными Аѳинами, принужденъ былъ прибѣгнуть къ Царю Персидскому Ксерксу, пропивъ котораго предводительствуя войсками одержалъ онъ многія надъ нимъ побѣды. Ксерксъ обрадованный пріобрѣтеніемъ толь великаго полководца, погасилъ вражду свою къ нему, принялъ его въ число первѣйшихъ вельможъ своихъ, осыпалъ благодѣяніями, и поручилъ ему начальство надъ войсками, которыя посылалъ онъ въ Египетъ. — Но потомъ, когда присланъ былъ изъ Греціи посолъ требовать Ѳемистокла, какъ скрывающагося изъ отечества преступника, тогда Ксерксъ, пылающій ненавистію къ Грекамъ, перемѣнилъ свое намѣреніе, и полагая въ Ѳемистоклѣ съ одной стороны благодарность за оказанныя ему благодѣянія и

защиту, а съ другой желаніе отмстить согражданамъ своимъ за несправедливое отъ нихъ гоненіе, велѣлъ ему съ войсками идти въ Грецію. Ѳемистоклъ, забывая несправедливость сограждан своихъ и нестрашась гнѣва Ксерксова, полагаетъ къ ногамъ его жезлъ повелительства надъ Персидскимм войсками, и говоритъ, что онъ скорѣе умретъ, нежели пойдетъ разворять стѣны своего отечества. Сіе отрицаніе подаетъ поводъ къ слѣдующему достойному примѣчанія между ими разговору:

Ксеркс.

Ты раздражаешь того, кто тебя можетъ сдѣлать нещастнымъ.

Ѳемистоклъ.

Но не измѣнникомъ.

Ксеркс.

Ты мнѣ жизнію обязанъ.

Ѳемистоклъ.

Но не честію.

Ксеркс.

Отечество твое тебя ненавидитъ.

Ѳемистоклъ.

Но я люблю его.

Ксеркс.

Неблагодарный! смерть ожидаетъ тебя. Но что ты любишъ столько въ отечествѣ твоемъ?

Ѳемистоклъ.

Все, Государь: прахъ моихъ предковъ, священные законы, покровителей Боговъ, языкъ, обычаи, потъ во благо сограждан моихъ мною проліянный, славу отъ того полученную, воздухъ, деревья, землю, стѣны, каменья.

Такъ мыслилъ Ѳемистоклъ въ отдаленнѣйшія времена, также и нынѣ мыслитъ всякая благородная душа. Природа человѣческая не испортилась и не испортится никогда. Достохвальныя чувствованія всегда велики и почтенны. Хотя часто порокъ торжествуетъ въ мірѣ, но какое его торжество! Наружный блескъ щастія сокрываетъ въ немъ внутреннюю темноту, и когда одѣтый въ злато и багряницу встрѣчается онъ съ покрытою рубищемъ добродѣтелію, тогда, не взирая на гордый видъ свой, невольно, внутри сердца своего, падаетъ къ ногамъ ея, и не смѣетъ мрачныхъ

очей своихъ возвесть на свѣтлое ея лице.

Ѳеодоръ Никитичь Романовъ, нашъ Ѳемистоклъ, нарѣченный попомъ Филаретомъ, мужъ благонравный и кроткій, отправленъ былъ въ смутныя времена Россіи со многими другими Боярами и Чиновниками посломъ въ Польшу. Польскій Король Сигизмундъ искалъ тогда сѣсть на праздномъ послѣ Шуйскаго престолѣ Россійскомъ. Войски его силою и коварствомъ вторглись въ Москву и принудили устрашенныхъ Московскихъ Бояръ послать къ нему грамоту, приглашающую его принять самодержавное надъ Россіею владычество. Ѳиларетъ, невидя руки Патріарха Гермогена, отрекся подписать сію грамоту. Ни долговременное заточеніе въ темницу, ни жестокіе съ нимъ поступки, ни страхъ, ни угрозы, немогли поколебать твердости его души. По десятилѣтнемъ страданіи возвращается онъ въ любезное отечество свое, въ Россію, за которую претерпѣлъ столько мученій, возвращается и падаетъ къ ногамъ

избраннаго народомъ Царя .... Но кто сей Царь? Сынъ его Михаилъ! Кто можетъ описать сіе величественное зрѣлище? Сію священную радость ихъ свиданія? Страдалецъ за отечество видитъ въ сынѣ своемъ награду за свои страданія, лобызаетъ въ немъ надежду Россіи, созерцаетъ будущее ея благополучіе, и юный Царь объемлетъ въ сѣдомъ родителѣ своемъ мудрость, великодушіе и примѣръ, какъ должно любить свое отечество. Но опнимемъ у Ѳиларета твердость душевную, дадимъ ему подписать грамоту. Куда дѣнется священство и величіе сего свиданія? Превратится въ стыдъ и раскаяніе. Добродѣтель! ты одна можешъ чувствовать истинную радость.

Эпаминондъ повелѣваетъ Ѳивскими войсками противъ ратоборствующихъ съ ними Лакедемонянъ, и знаменитыми подвигами своими приноситъ величайшія отечеству пользы. Ѳивяне, какъ сказываютъ, имѣли неблагоразумный законъ, опредѣлявшій предводителю войскъ срочное время, по истеченіи котораго посы-

лалось отъ народа къ нему повелѣніе о сдачѣ начальства другому, и въ случаѣ непослушанія осуждался онъ на смерть. Зависть и клевета неупустили воспользоваться симъ обстоятельствомъ. По внушенію ихъ обманутый народъ, не взирая на дѣла Эпаминондовы, посылаетъ къ нему повелѣніе сдать въ силу закона предводительство надъ войсками другому полководцу. Эпаминондъ, не надѣясь на преемника своего, и видя что всѣ пріобрѣтенные до сего успѣхи не токмо остановятся и не довершатся, но что непріятели чрезъ таковую перемѣну возникнутъ и усилятся, не послушалъ повелѣнія, довершилъ начатое имъ дѣло, покорилъ всѣхъ противниковъ, и возвратяся въ Ѳивы сказалъ народу: „я пре„ступилъ законъ; вы должны предать „меня смерти; но справедливость пре„буетъ, чтобъ на гробѣ моемъ написа„но было: *Эпаминондъ казненъ за пре„ступленіе, содѣланное имъ для спасенія „сограждан своихъ отъ ига иноплемен„ныхъ.*“ Вотъ какъ сильна въ истинныхъ сынахъ отечества любовь въ оному! Двѣ

смерти предстояли Эпаминонду: одна отъ враговъ, другая отъ своихъ. Онъ могъ избавиться отъ обѣихъ, сохраня и жизнь свою и славу, но гласъ любви къ отечеству вопіетъ въ немъ, и онъ ничему кромѣ его не внемлетъ. Откуда въ слабомъ тѣлѣ человѣческомъ толикая твердость духа? Отъ надежды на безсмертіе: сіе одно дѣлаетъ душу его толь великою; безъ того боялся бы онъ какъ червь раздавленъ быть пятою послѣдняго животнаго.

Петръ Великій приступаетъ къ Шлиссельбургу. Голицынъ предводительствуетъ войсками. Краткость лѣствицъ отъемлетъ у храбросіи возможность взойти на высоту стѣнъ: осажденные поражаютъ сильно, осаждающіе во множествѣ падаютъ. Петръ, видя сіе, повелѣваетъ Голицыну отступить. Голицынъ не отступаетъ и беретъ Шлиссельбургъ. Вотъ нашъ Эпаминондъ. Ломоносовъ не пропустилъ воспѣть сего великаго подвига. Онъ описывая упорную и жестокую брань сію говоритъ, что Петръ:

Смотря на воинства упадокъ безполезный,
Къ стоящимъ близь себя возвелъ зѣницы слезны:
„Что всуе добрыхъ мнѣ, сказалъ, людей губить?
„Голицыну спѣша велите отступить.
Но голицынъ:
. . . . . пламенемъ отвсюду окруженъ,
Вѣщалъ: „мы скоро трудъ увидимъ совершенъ;
„Чрезъ отступленіе отъ крѣпости обратно.
„Въ другой еще приступъ погибнетъ войскъ двукратно,
„И естьли Государь желаетъ городъ взять,
„Позволилъ бы намъ бой начатый окончать.“
Съ отвѣтомъ на стѣну предъ всѣми поспѣшаетъ,
Солдатамъ слѣдовать себѣ повелѣваетъ.

И хотя опущенное на него со стѣнъ горящее бревно низринуло его полумертваго на землю, однакожъ храбрые Россіяне, послѣдними силами гласа его ободряемые:

На копья, на мечи, на ярость сопостатъ,
На очевидну смерть безтрепетно лѣтятъ

Такимъ образомъ взятъ былъ Шлиссельбургъ или по прежнему названію Орѣшекъ. Народъ пощадилъ Эпаминонда;

Петръ облобызалъ Голицына. Любовь къ отечеству! Ты такъ почтенна, что и самое оскорбленное тобою самолюбіе не можетъ удержаться отъ простертія къ тебѣ длани своей.

Регулъ взятъ въ плѣнъ Карфагенцами. Римъ для полученія обратно толь великаго мужа, готовъ помириться съ ними и уступить имъ всѣ пріобрѣтенныя кровью выгоды. Регулъ, узнавъ о семъ, проситъ Карфагенянъ отпустить его въ Римъ, давъ имъ честное слово съ тѣмъ же посломъ, съ которымъ отправленъ будетъ, возвратиться назадъ. Карфагенцы зная, что такое честь въ душѣ Регуловой, вѣряютъ сму и отпускаютъ-но съ какимъ условіемъ? показываютъ сму бочку, по всей поверхности пробитую на сквозь желѣзными гвоздями, и говорятъ: „естьли „ты возвратишися къ намъ съ миромъ, мы „тебя освободимъ; естьли же привезешъ „къ намъ продолженіе войны, то посаженъ будешь въ сію бочку и пущенъ „катиться по крутизнѣ горы.“ Регулъ отъѣзжаетъ. Обрадованный Римъ стекается его увидѣть. Онъ даетъ Рим-

лянамъ совѣтъ неиначе помириться съ Карѳагенцами, какъ воспользовавшись всѣми силою оружія одержанными доселѣ преимуществами, и по склоненіи ихъ къ тому, въ провожаніи рыдающаго семейства своего и плачущаго Сената и народа отправляется обратно въ Карѳагенъ, дабы тамо быть низвержену съ горы въ приготовленной для него бочкѣ. До какой чрезвычайной степени пылающая къ отечеству любовію душа человѣческая можетъ быть велика!

Гермогенъ, Патріархъ Московскій, былъ нашъ Регулъ. Великаго мужа, почтеннаго старца сего нѣкто изъ нашихъ стихотворцевъ такъ изображаетъ:

Кто мужъ сей мудрый, сановитый,
Примрачный, какъ луна во мглѣ,
Имущій кроткій зракъ, открытый,
Ко правдѣ ревность на челѣ?
Блеститъ въ очахъ, слезитъ усталыхъ,
Какъ солнца лучь сквозь ранній паръ,
Къ отечеству сердечный жаръ.
Блѣднѣетъ скорбь въ ланитахъ впалыхъ,
До чресль волнуется брада;
Глава годами оснѣженна,

Вся крѣпость плоти изможденна,
Душа единая тверда.

Такъ подлинно: въ семъ тѣлѣ сокрушенномъ, въ сей изможденной плоти, видимъ мы духъ, никакими страхами, никакими бѣдствіями не преоборимый. Россія безъ главы; нѣтъ въ ней Царя; Вельможи всѣ вкупѣ раздѣлены, а каждый порознь слабъ и маловластенъ; народъ мятется, унываетъ, страждетъ, не зная что дѣлать и кому повиноваться: такъ на морѣ корабль безъ кормила и якоря не вѣдаетъ куда идти и гдѣ остановиться. Между тѣмъ буря подъятыми на подобіе горъ волнами бьетъ, ломитъ, трясетъ всѣ его составы и угрожаетъ ихъ разрушить. Въ такомъ состояніи была Россія въ началѣ семнатцатаго вѣка. Отвнѣ Поляки и Шведы, внутри несогласія и раздоры свирѣпствовали. Москва отворила врата свои врагу и подъ властію чужой руки угнѣтенная, разграбленная, расперзанная, рыдала неутѣшно. Каменныя стѣны, огнедышущія бойницы, дремучій лѣсъ копій, молніеносныя тучи мечей, не

столько отъ великихъ силъ непріятельскихъ, сколько отъ собственнаго своего неустройства, преклонились и пали. Однимъ словомъ все преодолѣно было; но оставался еще одинъ оплотъ, всего крѣпчайшій: оставался въ изнеможенномъ тѣлѣ старца духъ твердый; оспаривался Гермогенъ. Народъ Россійскій всегда крѣпокъ былъ языкомъ и вѣрою; языкъ дѣлалъ его единомысленнымъ, вѣра единодушнымъ. Двѣсти лѣтъ стоналъ онъ подъ игомъ Татаръ, но въ языкѣ и вѣрѣ пребылъ непремѣненъ. Для совершеннаго покоренія Россіи надлежало къ силѣ оружія присовокупить гласъ церкви, надлежало принудить Патріарха, яко первенствующую духовную особу, дать на то свое согласіе и разослать повсюду за подписаніемъ своимъ грамоты. Поляки вмѣстѣ съ согласившимися по неволѣ на то нѣкоторыми Московскими Боярами и народомъ упрашиваютъ Патріарха. Онъ отвергаетъ ихъ прошеніе. Неистовые враги угрожаютъ ему смертію, онъ отвѣчаетъ имъ: тѣло мое вы можете убить, но душа моя не

у васъ въ рукахъ. Они въ ярости рвутъ на немъ златыя ризы, совлекаютъ священное облаченіе, налагаютъ на него вериги и оковы: онъ сожалѣетъ только, что изъ десницы его отнятъ крестъ, которымъ благословлялъ онъ народъ стоять за отечество. Они повергаютъ его въ глубокую, смрадную темницу: онъ соболѣзнуетъ токмо, что неможетъ болѣе предстоять во храмѣ Божіемъ для воздѣянія предъ лицемъ народа рукъ своихъ ко Всевышнему. Они изнуряютъ его гладомъ, томятъ жаждою; но ни тяжкія цѣпи, ни густой мракъ, ни страшное мученіе алча, ни жестокая тоска изсыхающей горшани, немогутъ побѣдить въ немъ твердости духа, не могутъ преклонить его къ согласію на порабощеніе своего Отечества: онъ умираетъ и послѣдній вздохъ его былъ молитва о спасеніи Россіи. Тако скончалъ жизнь свою Россіянинъ, пастырь церкви, сынъ Отечества! О Гермогенъ! Ни санъ твой святительскій, ни власть твоя священная, не прославили бы тебя столько на Небесахъ и на Земли, сколь-

ко прославили тебя твоя темница и твои цѣпи. Между тѣмъ вѣсть о его смерти течетъ изъ града въ градъ, изъ веси въ весь. Во всѣхъ сердцахъ воспламеняетъ гнѣвъ и мщеніе, утверждаетъ согласіе, возбуждаетъ храбрость, умножаетъ ревность и усердіе. Пожарскіе, Минины, Діонисіи, Ѳилареты, Палицыны, Трубецкіе, и множество другихъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, каждый своимъ образомъ, кто мечемъ, кто совѣтомъ, кто иждивеніемъ, кто твердостію духа, стекаются, содѣйствуютъ, ополчаются, гремятъ, и Москву отъ бѣдствій, Россію отъ ига иноплеменныхъ освобождаютъ. Уже не Польскій Царевичь малымъ числомъ устрашенныхъ Бояръ возводится на престолъ, но избирается успами и сердцемъ всея Россіи младый Михаилъ, благословенная вѣтвь отъ благословеннаго корени Рускихъ Князей, изъ рода Романовыхъ. Сей родъ соединяется потомъ съ родомъ Нарышкиныхъ и производитъ Петра Великаго, вознесшаго Россію на высокую степень величія и славы.

Такимъ образомъ вездѣ и во всѣ времена видимъ мы удивительные примѣры любви къ Отечеству. Сила ея превыше всякаго страха. Душа воспламененная ею не боится ни воды, ни огня, ни глубины, ни высоты: Курцій въ Римѣ низвергается для нее въ подземную пропасть. Сакенъ на Черномъ морѣ, окруженный непріятелями, подрываетъ подъ собою порохъ и летитъ съ обломками корабля на воздухъ, отколѣ тѣло его упадаетъ въ морѣ, а душа возносится къ Небесамъ.

И такъ видя съ одной стороны людей съ толикою неустрашимостію духа жертвующихъ собою Отечеству, и съ другой всеобщій стыдъ не любить оное, слѣдовало бы изъ того заключить, что привязанность къ мѣсту рожденія своего и къ согражданамъ своимъ, братіямъ нашимъ, есть нѣкое общее, со млекомъ всосанное и во всѣхъ сердцахъ обитающее чувство. Такъ бы надлежало; такъ оно и есть въ главной своей сущности. Но людей много, нравы ихъ различны, склонности непостоянны,

страсти пылки: человѣческая душа, исполненная добродѣтелями или развращенная пороками, толико же благостію своею удобна приближаться къ Божеству, колико чернотою своею къ жителямъ преисподней. Отсюда видимъ мы людей жертвующихъ жизнію и всѣми благами Отечеству, и въ тоже время видимъ, хотя и рѣдко, измѣнниковъ онаго и предателей .... Но оставимъ ихъ, природа гнушается ими, и человѣчество долженствуетъ имена ихъ забыть, дабы при воспоминаніи оныхъ не содрагаться отъ ужаса; оставимъ ихъ проклятію потомковъ и мщенію Небесъ. Отвратимъ глаза наши отъ гнусныхъ преступленій человѣческихъ; но неотвратимъ ихъ отъ слабостей, отъ заблужденій, отъ нѣкоторыхъ обманчивыхъ прелестей; ибо мы всѣ тому подвержены. Природа наша несовершенна. Кто назоветъ себя непорочнымъ? Кто, сынъ грѣха, скажетъ о себѣ: я стою твердо, и никакія волны страстей и заблужденій непоколеблютъ меня? Таковое несродное тѣлесному составу нашему надѣяніе на себя,

было бы неиное что, какъ гордая слѣпота, отвергающая осторожность и ведущая насъ прямо въ ровъ. И такъ устремляя всѣ наши мысли къ благимъ и добрымъ дѣламъ, не забудемъ, что мы люди, и что для утвержденія себя въ въ добродѣтеляхъ имѣемъ нужду помнить свои слабости и опасаться ихъ. На семъ основаніи станемъ разсуждать и объ Отечествѣ нашемъ. Мы всѣ любимъ его, но сіе немѣшаетъ намъ размышлять о средствахъ, какими сія священная любовь питается въ насъ, растетъ и умножается; ибо она не должна имѣть предѣловъ. Чемъ больше душа всего народа пылаетъ ею, тѣмъ тверже слава и благоденствіе сего народа. Отечество (сказала мнѣ одна изъ почтенныхъ нашихъ женщинъ) требуетъ отъ насъ любви даже пристрастной, такой, какую природа вложила въ одинъ полъ къ другому. Отними у насъ слѣпоту видѣть въ любимомъ человѣкѣ совершенство, дай намъ глаза посреди самаго сильнѣйшаго пламени нашего, усматривать въ немъ нѣкоторые недостатки,

нѣкоторые пороки; возбуди въ насъ желаніе сличать ихъ съ преимуществами другихъ людей: умъ начнетъ разсуждать, сердце холодѣть, и вскорѣ человѣкъ сей, ни съ кѣмъ прежде несравненный, сдѣлается для насъ не одинъ на свѣтѣ, но равенъ со всѣми, а потомъ и хуже другихъ. Такъ точно Отечество. Когда мы начнемъ находить въ немъ многіе предъ другими землями недостатки; когда станутъ увеселять насъ чужіе обычаи, чужіе обряды, чужой языкъ, чужія игры, обворожая и прельщая воображеніе наше правдивою Рускою пословицею: *тамъ хорошо гдѣ насъ нѣтъ*, и то хорошо что не носитъ на себѣ отечественнаго имени; тогда при всѣхъ нашихъ правилахъ, при всѣхъ добрыхъ разположеніяхъ и намѣреніяхъ, будетъ въ душу и въ образъ мыслей нашихъ нечувствительно вкрадываться предпочтеніе къ другимъ, и слѣдовательно уничиженіе къ самимъ себѣ; а съ симъ вмѣстѣ непримѣтнымъ же образомъ станетъ уменьшаться первѣйшее основаніе любви къ Отечеству, духъ народной гордости, который гре-

мящими устами Ломоносова завистникамъ Россіи говоритъ:

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Изчислите тьму сильныхъ боевъ,
Изчислите у насъ Героевъ
Отъ земледѣльца до Царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ сѣлахъ
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святаго олтаря.

Или устами одного изъ новѣйшихъ нашихъ стихотворцевъ, взывающаго къ сынамъ Россіи:

Подъ хладной сѣверной звѣздою
Рожденные на бѣлый свѣтъ,
Зимою строгою, сѣдою,
Взлелеянны отъ юныхъ лѣтъ,
Мы презримъ роскошь иностранну,
И даже болѣе себя
Свое отечество любя,
Зря въ немъ страну обѣтованну,
Млеко точащую и медъ,
На всѣ природы южной нѣги
Непромѣняемъ наши снѣги,
И нашъ отечественный ледъ.

Такъ, конечно; гордость сія хотя ино-

гда величавая, иногда суровая, но необходимо нужная, предостерегаетъ отъ ложныхъ умствованій: она недопускаетъ насъ подъ видомъ предразсудка излишней любви ко всему отечественному, упадать въ предразсудокъ излишней любви ко всему чужеземному.

Слово *гордость* имѣетъ два значенія, совершенно противныя между собою, или лучше сказать, человѣку свойственны двѣ гордости: одна есть торжество порока, другая торжество добродѣтели; одна чуждая всякой благости и любви, хочетъ главою коснуться небесъ, и все то, что подъ нею попрать и разтоптать ногами. Она любитъ брани, пожары, токи крови. Другая напротивъ, не завидующая ни кому и сама собою довольная, услаждается миромъ и тишиною. Она не превозносится уничиженіемъ другихъ, но собственнымъ своимъ достоинствомъ величается. Она не ищетъ ни кого порабощать; но кто силою или коварствомъ возмнитъ ее поработить, повергнуть въ цѣпи, оковы; тогда только является она во всемъ

своемъ могуществѣ и величіи: могущество ея состоитъ въ общемъ согласіи сердецъ и умовъ, величіе въ твердости душъ. Сія народная гордость и любовь къ Отечеству суть двѣ единокровныя, неразлучныя подруги, составляющія силу, крѣпость и благоденствіе всякой державы. Любовь къ отечеству говоритъ человѣку: неисповѣдимая премудрость Божія повелѣла тебѣ родиться отъ отца и матери, имѣть братьевъ, сестръ, родныхъ, ближнихъ; дала тебѣ отличное отъ животныхъ свойство знать и помнить ихъ отъ колыбели до гроба; обязала ихъ пещися о твоемъ младенчествѣ, дышать тобою и любить тебя, даже за предѣлами твоей жизни. Поставила сердце твое посреди сладчайшихъ чувствованій къ тѣмъ, отъ кого ты произошелъ, и къ тѣмъ, которые отъ тебя бытіе свое получили. Не благополученъ ли ты посреди обьятій родившаго тебя и рожденнаго тобою? Симъ образомъ благость Создателя Вселенной назначила тебѣ домъ, жилище, мѣсто пребыванія. Повелѣла чтобъ еди-

ное семейство посредствомъ брака соединялось съ другими: да течетъ во всѣхъ одна и та же кровь, да свяжутъ сіи священныя узы весь народъ, и да скрѣпятъ его единодушіемъ, любовію, дружбою. Отсюду законы назвали тебя гражданиномъ, единоземцы братомъ, отечество сыномъ. Ты предъ лицемъ Бога и всего свѣта далъ торжественное обѣщаніе хранить сей союзъ, запечатлѣнный волею Творца, вопіющимъ въ тебѣ гласомъ природы, и общимъ всѣхъ благомъ, съ которымъ и твое собственное неразлучно. Сіе обѣщаніе основано на долгѣ благодарности, чести, на правилахъ вѣры, на законахъ Божескихъ и человѣческихъ. Можешь ли ты безъ содроганія и ужаса помыслить о нарушеніи онаго, какимъ бы то ни было образомъ собственнымъ твоимъ ожесточеніемъ, или отсутствіемъ благоразумія, или пагубными соблазнами другихъ?

Тако вѣщаетъ намъ любовь къ Отечеству, и гласъ ея священъ и праведенъ. Онъ поселяетъ въ насъ чувство народной гордости: ибо гдѣ любовь къ

народу своему, тамъ и желаніе видѣть его процвѣтающимъ, благополучнымъ, сильнымъ, превозносящимся надъ всѣми другими Царствами. Тамъ всякой словами и душою не сравняетъ имени Отечества своего ни съ какимъ другимъ, пользуется чужими изобрѣтеніями, произведеніями, хвалитъ ихъ, но любитъ только свои. Безъ сей необходимо нужной гордости упадаетъ духъ честолюбія, сохнетъ корень надежды на самого себя, и величіе души, раждающее всѣ подвиги и доблести, подавляется уничиженіемъ. Естьли бы какой народъ и вподлинну примѣчалъ въ себѣ нѣкоторые недостатки въ искуствахъ украшать наружность, увеселять зрѣніе, услаждать вкусъ роскоши, и тому подобныхъ (ибо въ душевныхъ свойствахъ и добротахъ стыдно кому нибудь уступать); то и тогда благороднѣе и полезнѣе мыслить: я имѣю свой умъ, свои руки, свои понятія, свои глаза; могу самъ изобрѣтать, творить, размышлять, дѣйствовать, и любовь къ собственнымъ моимъ произведеніямъ увеличитъ мои

способности, дастъ имъ блескъ, пріятность, славу; нежели думать: все мое собственное худо, и самъ я не могу иначе быть хорошъ, какъ руководствуясь другимъ и дѣлаясь во всемъ на него похожимъ. Таковое уничижительное о себѣ мнѣніе, естьлибъ оное въ какомъ нибудь народѣ укорениться могло, послужило бы къ повреждению правовъ, къ упадку духа, и къ разслабленію силъ умственныхъ и душевныхъ. Когда одинъ народъ идетъ на другаго съ мечемъ и пламенемъ въ рукахъ, откуду у сего послѣдняго возмутся силы отвратить сію страшную тучу, сей громовый ударъ, естьли любовь къ отечеству и народная гордость не дадутъ ему оныхъ? Какой щитъ тверже единодушія гражданъ защищающихъ женъ и дѣтей своихъ? Какое оружіе страшнѣе стыда устыдить и пасть предъ своимъ врагомъ идущимъ разорять Отечество наше? Чтожъ когда сіи двѣ крѣпчайшія ограды заблаговременно ослаблены будутъ? Отсюду явствуетъ, что не одно оружіе и сила одного народа опасна бы-

ваетъ другому; тайное покушеніе прельстить умы, очаровать сердца, поколебать въ нихъ любовь къ землѣ своей и гордость къ имени своему, есть средство надежнѣйшее мечей и пушекъ. Средство сіе медленно, однакоже вѣрно въ своихъ соображеніяхъ и ранѣе или позже но всегда цѣли своей достигаетъ. Мало по малу налагаетъ оно нравственныя узы, дабы потомъ наложить и настоящія цѣпи, зная, что плѣнникъ въ оковахъ можетъ разорвать ихъ, можетъ еще быть гордъ и страшенъ побѣдителю, но плѣнникъ умомъ и сердцемъ остается на всегда плѣнникомъ. Естьли бы какой народъ различными путями дошелъ до того, чтобъ сдѣлался во всемъ образцомъ и путеводителемъ другаго народа, такъ чтобы сей, прельстясь блескомъ мнимыхъ его превосходствъ, не возлюбилъ ни страны своей, ни обычаевъ, ни языка, ни ремеслъ, ни забавъ, ни одежды, ни пищи, ни воздуха, и все сіе казалось бы ему у себя не хорошо, а у другихъ лучше: не впалъ ли бы онъ въ достойное жа-

лости уничиженіе? Таковые примѣры со всѣми вредными ихъ слѣдствіями нерѣдко находимъ мы въ бытописаніяхъ народовъ. Римъ отъ сего лишился своего величія, многія сильныя державы явились отъ сего слабыми. Сама Россія нѣкогда была тому подвержена. Хилковъ устами Хераскова говоритъ въ Россіядѣ:

Въ сіи позорные въ Россіи времена
Погасли Княжески почтенны имена;
Чужіе къ намъ пришли обычаи и нравы,
И скрылися слѣды пріобрѣтенной славы.

Но хотя бы и не можно было ни въ комъ предполагать толь великаго ослѣпленія, то однакоже по сродной человѣку слабости прельщаться и впадать въ заблужденіе (чему всякъ больше или меньше подверженъ), ненадлежитъ предостерегающее о томъ напоминаніе почитать излишнимъ и не надобнымъ.

Что дѣлаетъ любовь къ Отечеству? Съ благостію въ очахъ, съ прозорливостію въ умѣ, съ истинною и правосудіемъ въ сердцѣ, печется о благоденствіи народномъ. Она въ одной рукѣ держитъ законы, а въ другой мечь, и

говоритъ народу: сіи законы, начертанные мною на основаніи Божіихъ заповѣдей, суть ваша свобода; сей мечь, держимый мною на пораженіе внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, есть ваша безопасность: доколѣ сіи законы свято будутъ храниться, до тѣхъ поръ я съ вами и вы свободны; доколѣ мечь сей никому, кромѣ нарушителей законовъ, не будетъ спрашенъ, до тѣхъ поръ радость и спокойствіе обитать будутъ въ сердцахъ и жилищахъ вашихъ. Она говоритъ каждому сыну отечества: членъ великаго тѣла! Не отрывайся отъ онаго никогда, и поставленной отъ Бога надъ нимъ главѣ служи вѣрою и правдою. Люби Царя и Отечество дѣлами твоими, а не словами. Не надѣйся никогда быть щастливъ угрызаемый совѣстію, и не бойся ничего похваляемый ею. Знай что я съ гнушеніемъ отвращаю взоры мои отъ Глинскихъ, которые лукавымъ языкомъ говорятъ Іоанну:

„Ты Богъ нашъ! естьлибъ мы могли нещастны спать,
„То намъ ли на тебя отважиться роптать?

И съ веселіемъ обьемлю выю Курбскихъ вѣщающихъ ему чистосердечно:

„О Царь мой! властенъ ты мою пролити кровь,
„Однако въ ней почти къ отечеству любовь.

Что дѣлаетъ народная гордость? нехочетъ никому уступать. Ревнуетъ украшаться и блистать собственными своими достоинствами. Велитъ любить честь, велитъ уважать себя, имѣть мужество, твердость, душу. Она непромѣняетъ имени, языка, нравовъ своихъ ни на что. Она покорствуетъ единой главѣ Отечества своего, и больше ни кому. Она простираетъ руку помощи слабому, и смотритъ на сильнаго безъ зависти и безъ боязни. Всякъ чужеземецъ ей другъ, но какъ скоро помыслитъ онъ властвовать надъ нею, съ оружіемъ въ рукахъ, или съ лукавствомъ въ сердцѣ, на силу ли свою надѣясь, или на прельщеніе, тотчасъ увидитъ ее грозну какъ тучу, и страшну какъ молнію и громъ. Между уничиженіемъ и погибелью избираетъ она погибель; между цѣ-

пей и смертію кидается она въ объятія смерти.

И такъ самое величайшее блаженство, самая сильнѣйшая ограда всякой державы, есть любовь къ Отечеству и народная гордость. Посмотримъ же какими средствами сіи двѣ добродѣтели, поль необходимыя для общаго блага, укрѣпляются въ насъ, и какими ослабѣваютъ.

Первѣйшая покровительница ихъ есть святая православная вѣра, сей единственный человѣческаго благополучія источникъ, изъ котораго народоправитель почерпаетъ мудрость, законъ, силу, судія правду, полководецъ мужество, земледѣлецъ трудолюбіе, воинъ храбрость и безстрашіе. Она устами первосвященника говоритъ Іоанну:

„Не кровію алкать Монарха устремляю,
„Но церковь защищать тебя благословляю.

Такимъ образомъ вѣра, которая во всякомъ другомъ случаѣ велитъ намъ и малѣйшую каплю крови человѣческой щадить, которая каждую слезу, каждый вздохъ, жестокостію нашею исторгну-

ный, изчисляетъ и взыскиваетъ отъ насъ; сей агнецъ смиренія, сей Ангелъ кротости и милосердія, ополчаетъ руки наши и повелѣваетъ намъ проливать свою и чужую кровь, когда дѣло идетъ о защищеніи и спасеніи Церкви и Отечества. Она, поучающая насъ, чтобъ мы даже и непріятелей своихъ любили и за всякое сдѣланное намъ зло платили имъ добромъ, въ семъ единомъ случаѣ, возводя на небо очи, молитъ о побѣдѣ и преодолѣніи враговъ. Изъ сего единаго невидимъ ли мы, какими тѣсными узами вѣра сопряжена съ любовію къ Отечеству, и что она не только ведетъ насъ въ блаженство будущей и вѣчной жизни, но и въ семъ краткомъ на земли пребываніи нашемъ необходимо нужна для общаго всѣхъ спокойствія и безопасности. Ктожъ приведетъ насъ въ сіе благополучное состояніе? слово *народъ* представляетъ намъ такоеже понятіе, какъ морскія волны: буря подъемлетъ и вержетъ ихъ; въ насъ страсти подобное же воздвигаютъ треволненіе, неменьше яростное не меньше

лютое. Кто для усмиренія сихъ бунтующихъ страстей, раздувающихъ въ сердцахъ нашихъ огнь вражды, междоусобія, искорененія другъ друга; кто посреди сихъ буйствъ и ослѣпленій говоритъ сильному изъ насъ: *наблюдай правду*, слабому: *тѣрпи*, и обоимъ вмѣстѣ: *вотъ завтрешнее жилище ваше, гробъ; за предѣломъ же гроба судія дѣлъ вашихъ, Богъ*! Сей гласъ есть вѣры: гласъ сильный, праведный, миролюбивый, равно поучительный, равно полезный великому и малому, богатому и нищему. Кого послушаетъ человѣкъ, естьли непослушаетъ онаго? Законы наказуютъ уличеннаго преступника, но кто накажетъ тайнаго злодѣя? Законы казнятъ пойманнаго съ ножемъ смертоубійцу, но кто казнитъ не меньше, чемъ онъ, жестокосердаго богача, который удѣленіемъ оставшихся отъ тучнаго стола своего крупицъ нехотѣлъ спасти умирающую отъ глада семью? Кто накажетъ въ сердцѣ человѣческомъ лукавство, обманъ, лесть, зависть, злобу, и тысячи гнѣздящихся въ насъ пороковъ? Естьли-

бы законы восхотѣли присвоить себѣ право исправлять ихъ наказаніями, они бы, не могши совладѣть съ числомъ виновныхъ, умножили только зло и напослѣдокъ потеряли бы совсемъ власть свою и могущество. Когдаже бы ничто сихъ пороковъ не обуздывало, тогда бы родилось изъ нихъ столько злодѣйствъ и преступленій, что законы точно также не въ состояніи были бы совладѣть съ ними, какъ съ пороками, и слѣдственно опять лишились бы силы и власти своей. Кто же, какъ не вѣра, кротким и купно страшнымъ гласомъ своимъ способствуетъ существовать законамъ, и что другое можетъ насъ лучше примирять и крѣпче сопрягать другъ съ другомъ и съ Отечествомъ?

Но сколько вѣра, сія успроительница внутренняго спокойствія и благихъ нравовъ, дѣлаетъ общежитіе наше въ нѣдрахъ Отечества своего пріятнымъ и безопаснымъ, столькоже охраняетъ она мирное пребываніе наше отъ внѣшнихъ враговъ. Посмотримъ торжество ея на поляхъ брани. Кто велитъ войну прези-

рать, труды, опасности и самую смерть? Кто посылаетъ его съ оторванною рукою нести въ жертву и другую руку? Взглянемъ послѣ сраженія на ратное поле, посмотримъ съ ужасомъ на сіи многія тысячи людей, лежащихъ безъ ногъ, безъ рукъ, обезглавленныхъ, растерзанныхъ, умирающихъ и мертвыхъ: кто удержалъ ихъ на поле брани? Кто далъ имъ твердость духа стоять противу огнедышущихъ, смертоносныхъ орудій? Кто, не взирая на страшное побіенныхъ собратій своихъ зрѣлищѣ, посылаетъ другихъ сотоварищей ихъ подвергаться той же самой участи? Честолюбіе. Но въ чемъ состоитъ истинное честолюбіе? Въ любленіи чести, правды, закона, Царя, Отечества, ближнихъ; въ посвященіи имъ всѣхъ силъ своихъ и жизни, съ твердымъ упованіемъ, не земной отъ людей, но небесной отъ Бога за то награды. Какое другое побужденіе можетъ сравниться съ симъ благороднымъ побужденіемъ? Неужь ли страхъ наказанія? Неужь ли корыстолюбіе? Но такое низкое помышленіе души уподобило бы непоколебимое

мужество человѣка свирѣпству хищныхъ или робости дикихъ звѣрей. Возмемъ сто тысячь воиновъ и представимъ себѣ, что они всѣ до единаго въ высочайшемъ степени честолюбивы: ни одинъ изъ нихъ не оставитъ ратнаго поля, всѣ до послѣдняго лягутъ на мѣстѣ брани. Таковые примѣры неоднократно случались съ храбрыми Россійскими полками, многочисленною непріятельскою силою окруженными. Всякъ изъ сихъ христолюбивыхъ воиновъ перекрестясь становился на мѣстѣ убитаго подлѣ него товарища, и всѣ сряду, увѣнчанные кровію, не сдѣлавъ шагу назадъ, лежали побитые, однако не побѣжденные. Какъ? Сія твердая грудь, несущаяся за церковь, за Царя, за Отечество, на острое желѣзо; сія съ текущею изъ ранъ кровію великодушно изливаемая жизнь; сіе великое въ человѣкѣ чувство родится безъ надежды на безсмертіе? Кто повѣритъ сему? Когда сія надежда одушевляла Ѳемистоклювъ, Эпаминондовъ, Регуловъ, то мы ли, озаренные сіяніемъ вѣры, познавшіе всю истинну и цѣну сего священнаго съ не-

бесъ низпосланнаго гласа, станемъ величіе души созидать на побужденіяхъ презрительныхъ страстей? Человѣкъ не рожденный и невоспитанный въ вѣрѣ можетъ еще быть честолюбивъ и праводушенъ, но тотъ, кто отпадетъ отъ ней, истребитъ ее изъ души своей, въ томъ не останется ничего, кромѣ страсти къ самому себѣ. Его могутъ убить, но самъ онъ ни за кого не умретъ. Вѣра даетъ намъ душевныя силы любить и дѣлать добро, маловѣріе отъемлетъ ихъ, безвѣріе же погружаетъ насъ въ бездну буйствъ и пороковъ, разрушающихъ безопасность, тишину и спокойствіе народное.

И такъ когда Государство или народъ желаетъ благоденствовать, то первое попеченіе его долженствуетъ быть о воспитаніи юныхъ чадъ своихъ въ страхѣ Господнемъ, въ напоеніи сердецъ ихъ любовію къ вѣрѣ, откуду проистекаетъ любовь къ Государю, къ сему поставленному отъ Бога отцу и главѣ народной; любовь къ Отечеству, къ сему тѣлу великому, но не крѣпкому безъ соединенія съ главою своею; и

наконецъ любовь къ ближнему, подъ которою разумѣются сперва сограждане, а потомъ и весь родъ человѣческій. Отсюду явствуетъ, что воспитаніе должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранецъ можетъ преподать намъ, когда нужно, нѣкоторыя знанія свои въ наукахъ; но не можетъ вложить въ душу нашу огня народной гордости, огня любви къ Отечеству, точно также, какъ я не могу вложить въ него чувствованій моихъ къ моей матери. Онъ научитъ меня Математикѣ, Механикѣ, Физикѣ, но и самый честный изъ нихъ и благонамѣренный не научитъ меня знать землю мою и любить народъ мой; ибо онъ самъ сего незнаетъ, не имѣетъ нужныхъ для меня чувствованій, и не можетъ ихъ имѣть: у него своя мать, свое гнѣздо, свое отечество. Любовь къ оному почерпается не изъ хладныхъ разсужденій, не изъ принужденной благовидности, нѣтъ! Она должна пламенною рѣкою литься изъ души моего учителя въ мою, пылать въ его лицѣ, сверкать изъ его очей. Откуду иностра-

нецъ возметъ сіи чувствованія? Онъ научитъ меня своему языку, своимъ нравамъ, своимъ обычаямъ, своимъ обрядамъ; воспалитъ во мнѣ любовь къ нимъ; а мнѣ надобно любить свои. Двѣ любови не бываютъ совмѣстны между собою. Онъ покажетъ мнѣ славу своихъ единоземцевъ, а мои погребены будутъ во мракѣ забвенія. Онъ возбудитъ во мнѣ желаніе читать его писателей; пристраститъ меня къ ихъ слогу, выраженіямъ, словамъ; а чрезъ то отвратитъ меня отъ чтенія собственныхъ моихъ книгъ, отъ познанія красотъ языка моего: каждое слово его будетъ мнѣ казаться прелестнымъ, каждое слово мое грубымъ; ибо кто можетъ устоять противъ возбужденной съ малыхъ лѣтъ склонности и привычки? Онъ поведетъ меня по своимъ городамъ, полямъ, путямъ, вертоградамъ; на твердитъ мнѣ о своихъ забавахъ, играхъ, зрѣлищахъ, нарядахъ; распишетъ ихъ въ воображеніи моемъ своими красками; обольститъ, очаруетъ понятіе мое; родитъ во мнѣ благоговѣніе ко всѣмъ мелкимъ прелестямъ и къ

самымъ порокамъ земли своей. Такимъ образомъ, даже нехотя, вложитъ въ меня все свое, истребитъ во мнѣ все мое, и сближа меня съ своими обычаями и нравами удалитъ отъ моихъ. Я пойду за нимъ шагъ за шагомъ, и тогда когда бы надлежало мнѣ съ молокомъ матери моей сосать любовь къ моему Отечеству, пріобрѣтать съ каждымъ днемъ возраста новую къ нему привязанность, новую силу любви, новую степень удовольствія принадлежать ему, новый предлогъ гордиться, и восхищаться славою его, новую причину веселиться и радоваться, что я рожденъ въ немъ; тогда сдѣлаетъ онъ, что всѣ сіи священныя чувствованія умрутъ или охладѣютъ во мнѣ, и я только тѣломъ буду жить у себя, въ родной странѣ моей, а сердцемъ и умомъ не чувствительно и по неволѣ переселюся въ чужую землю. Таковое превращеніе, больше или меньше сильное, произведетъ во мнѣ чужестранное воспитаніе безъ всякой вины воспитателя; ибо онъ невиноватъ, что любитъ землю свою боль-

шіе моей. Чтожъ естьли положимъ еще въ немъ худые нравы, наклонность къ безвѣрію, къ своевольству, къ повсемѣстному гражданству, къ новой и пагубной философіи, къ симъ обманчивымъ имянамъ начальствующаго безначалія, вѣрной измѣны, человѣколюбиваго терзанія людей, скованной свободы? Тогда для образованія моей наружности, при малѣйшемъ поползновеніи моемъ къ порокамъ, вложитъ онъ въ меня такую душу, отъ которой Богъ, вѣра, и добродѣтель отвращаютъ свое зрѣніе. Народное воспитаніе есть весьма важное дѣло, требующее великой прозорливости и предусмотрѣнія. Оно недѣйствуетъ въ настоящее время, но приготовляетъ щастіе или нещастіе предбудущихъ временъ, и призываетъ на главу нашу или благословеніе или клятву потомковъ. Оно медленно приноситъ плоды, но когда уже созрѣютъ оные, тогда нѣтъ возможности удержать ихъ отъ размноженія: должно будетъ вкусить сладость ихъ или горькость. Для посѣянія чистыхъ сѣмянъ благонравія

надлежитъ, чтобъ санъ воспитателя былъ важенъ и почтенъ, не наружными почестями украшенъ, не тѣлесною ловкостію пріятенъ, но добрымъ именемъ и славою долговременно извѣстенъ. Лучше простой человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ и добрыми нравами, нежели ученый съ развращенными мыслями и худымъ сердцемъ; лучше грубоватъ и пасмуренъ лицемъ, нежели статенъ тѣломъ, блестящъ остроуміемъ, но мраченъ душою; ибо гораздо полезнѣе Отечеству и всему роду человѣческому судія сострадательный, воинъ храбрый, земледѣлецъ трудолюбивый, нежели легкомысленный вертопрахъ или важный *метафизикъ* разсуждающій о *монадахъ* и дѣлающій воспитанника своего *монадою*.

Должно мнѣ сказать еще нѣчто о природномъ языкѣ всякой державы. Языкъ есть душа народа, зеркало нравовъ, вѣрный показатель просвѣщенія, неумолчный проповѣдникъ дѣлъ. Возвышается народъ, возвышается языкъ; благонравенъ народъ, благонравенъ языкъ. Никогда безбожникъ неможетъ говорить язы-

комъ Давида: слава небесъ не открывается ползающему въ землѣ червю. Никогда развратный неможетъ говорить языкомъ Соломона: свѣтъ мудрости неозаряетъ утопающаго въ страстяхъ и порокахъ. Писанія зловредныхъ умовъ непроникнутъ никогда въ храмъ славы: даръ краснорѣчія не спасаетъ отъ презрѣнія глаголы злочестивыхъ. Гдѣ нѣтъ въ сердцахъ вѣры, тамъ нѣтъ въ языкѣ благочестія. Гдѣ нѣтъ любви къ Отечеству, тамъ языкъ неизъявляетъ чувствъ отечественныхъ. Гдѣ ученіе основано на мракѣ лжеумствованій, тамъ въ языкѣ невозсіяетъ истинна; тамъ въ наглыхъ и невѣжественныхъ писаніяхъ господствуетъ одинъ только развратъ и ложь. Однимъ словомъ языкъ есть мѣрило ума, души и свойствъ народныхъ. Онъ не можетъ тамъ цвѣсти, гдѣ умъ послушенъ сердцу, а сердце слѣпотѣ и заблужденію. Но гдѣ добродѣтель вкоренена въ душахъ людей, гдѣ всякому любезенъ языкъ правоты и чести, тамъ, неопасаясь стрѣлъ невѣжества и клеветы, растутъ и зрѣютъ одни только плоды наукъ и

трудолюбія. Тогда раждаются и возникаютъ сіи отличные люди, которые силою разцвѣтающаго въ умахъ ихъ краснорѣчія приносятъ во всѣхъ родахъ познаній всеобщую пользу. Тогда воскрияются сіи великіе пѣснопѣвцы, которые въ твореніяхъ своихъ говорятъ языкомъ Иросвъ, языкомъ Боговъ. Симъ восхищаютъ, воспламеняютъ они воображеніе своихъ читателей; сообщаютъ имъ огонь свой; раждаютъ въ нихъ новый свѣтъ: отсюду храбрая душа воина воспаляется новою любовію къ славѣ; отсюду зодчій почерпаетъ мысль о великолѣпіи храма; отсюду живописецъ учится изображать величество Юпитера и силу Геркулеса; отсюду ваятель и камнесѣчецъ безчувственнымъ истуканамъ своимъ даютъ жизнь и прелесть. Тогда растутъ науки, цвѣтутъ художества, зеленѣютъ искуства, и древо просвѣщенія, пуская корни свои глубоко, возносится вершиною къ небесамъ. Таковы суть пользы языка! Но между тѣмъ какъ онъ созидаетъ славу народную, онъ же соединяетъ всѣхъ самыми крѣпкими уза-

ми. Опытами доказано, что въ сопряженіи областей не составляютъ онѣ совершеннаго единства тѣла и души, доколѣ языки ихъ различны; и напротивъ того самыя раздѣленныя и отторженныя одна отъ другой области, имѣющія одинъ языкъ, сохраняютъ въ себѣ нѣкое тайное единодушіе, котораго ни рука власти, ни рука времени, разрушить не могутъ. Кажется природа одарила звуки отечественнаго языка нѣкоторою волшебною прелестію. Человѣкъ по чужимъ землямъ странствующій, когда встрѣтится съ другимъ и услышитъ изъ устъ его природныя свои слова, сердечно обрадуется и прилѣпляется къ нему дружбою. Воинъ, посреди лютой брани, возноситъ кровавый мечь, дабы обезглавить поверженнаго врага; но когда сей на отечественномъ языкѣ его возопіетъ къ нему о пощадѣ, онъ смягчается, и вознесенную на пораженіе его убійственную руку дружелюбно простираетъ къ нему на подъятіе онаго. Толико гласъ родины сладокъ! Но что я говорю о человѣкѣ? Не видимъ ли мы

даже въ звѣряхъ и птицахъ знаковъ любви къ сему гласу? Не бѣгутъ ли, не летятъ ли они на зовъ своихъ товарищей? Въ звукахъ ихъ нѣтъ того великаго разнообразія, какое видимъ въ человѣческихъ языкахъ, однако же всякая изъ сихъ тварей знаетъ звуки своей породы, и къ нимъ однимъ пристрастна. И такъ природный языкъ есть не только достоинство народа, не только основаніе и причина всѣхъ его знаній, не только провозвѣстникъ дѣлъ его и славы, но купно и нѣкій даръ, къ которому, хотя бы и не разсуждать о немъ, природа вложила въ насъ тайную любовь; и естьли человѣкъ теряетъ сію любовь, то съ ней теряетъ и привязанность къ Отечеству, и совершенно противоборствуетъ разсудку и природѣ.

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ, что *Вѣра*, *воспитаніе* и *языкъ* суть самыя сильнѣйшія средства къ возбужденію и вкорененію въ насъ любви къ Отечеству, которая ведетъ къ силѣ, твердости, устройству и благополучію. Явствуетъ также, что сія высокая

добродѣтель, требующая великости духа, исполненія своихъ обязанностей, непорочности сердца и осторожности отъ искушеній и прелестей, не такъ удобно пріобрѣтается, чтобъ мы при немощахъ и страстяхъ нашихъ легко досязать до ней могли. По сему нужно частыми о ней размышленіями разумъ и душу свою въ томъ подкрѣплять, и для неизгладимаго ея въ сердцахъ нашихъ утвержденія всегда призывать на помощь Того, Кто Всемогущею десницею Своею управляетъ міры, и безъ Котораго во всѣхъ нашихъ помыслахъ господствуетъ одинъ только мракъ и тьма.

Обратимся теперь отъ общаго разсужденія къ нашему любезному Отечеству, къ Россіи. Сыны и дщери ея всегда во всѣ времена, дышали любовію къ ней. Создатель и Отецъ народовъ, Богъ, въ посылаемыхъ отъ Него великихъ обладателяхъ нашихъ всегда являлъ и являетъ благодать Свою надъ нами. Возблагодаримъ Его, воззовемъ къ Нему, да глава и тѣло Отечества нашего подъ

Его Всемощнымъ покровомъ цвѣтутъ и движутся.

Я покусился сказать нѣчто о любви къ Отечеству, голосъ мой слабъ; не столько достоинъ вниманія вашего, почтенные посѣтители! сколько бы я того желалъ. О если-бы искусство пера моего могло сравниться съ жаромъ моего усердія! Тогда усладилъ бы я сердца ваши, горящія къ Отечеству любовію, и громомъ словъ моихъ потрясъ бы душу того, въ которомъ (если бы такой случился) сія священная любовь или уснула или воздремала.

А. Шишковъ.

БАСНИ.

I

ЧЕРВОНЕЦЪ.

Полезноль просвѣщенье?
Полезно — слова нѣтъ о томъ,
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье,
И даже нравовъ развращенье.
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не-
растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить
нравы,
Не разлучить ихъ съ простой,
И давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало,
Да важно говорить не всякому пристало,
Такъ съ шуткой по поламъ,
Я басней доказать ее намѣренъ вамъ.
Мужикъ простакъ, какихъ вездѣ немало,
Нашелъ червонецъ наземли.
Червонецъ былъ измаранъ и въ пыли,
Однакожъ пятаковъ пригоршни трои
Червонца на обмѣнъ крестьянину даютъ:
Постойже, думаетъ мужикъ, дадутъ мнѣ вдвое;

Придумалъ кой-што я такое,
Что у меня его съ руками оторвутъ.
Тутъ взявъ песку, дресвы и мѣлу,
И натолокши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу,
И совсего плеча
Червонецъ объ кирпичъ онъ точетъ;
Дресвой деретъ
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну словомъ такъ какъ жаръ его поставить хочетъ,
И подлинно какъ жаръ червонецъ заигралъ,
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю червонецъ потерялъ.

II

ОРЕЛЪ и ПАУКЪ.

За облака Орелъ
На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся,
На кедрѣ тамъ столѣтнемъ сѣлъ,
И зримымъ подъ собой пространствомъ любовался;
Казалось, что отколь онъ видѣлъ край земли.
Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли,
Здѣсь рощи и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;
А тамъ сердитое Касписко море,
Какъ ворона крыло чернелося въ дали. —
Хвала тебѣ Зевесъ, что управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ меня снабдить такимъ полетомъ,
Что неприступной я не знаю высоты,
(Орелъ къ Юпитеру взываетъ)
И что смотрю отколь на міра красоты,
Куда ни кто не залетаетъ. —
Какой же ты хвастунъ, какъ погляжу,
Паукъ ему тутъ съ вѣтки отвѣчаетъ,
Да ниже ль я тебя, товарищь, здѣсь сижу?
Орелъ глядитъ — и подлинно паукъ
Надъ самымъ имъ раскинувъ сѣть вокругъ
На вѣточкѣ хлопочетъ,
И кажется орлу заткать онъ Солнце хочетъ. —
Ты какъ на этой высотѣ?

Спросилъ орелъ — и тѣ,
Которые полетъ отважнѣйшій имѣютъ,
Не всѣ сюда пускаться смѣютъ;
А ты безъ крылъ и слабъ: не ужли ты доползъ? —
Нѣтъ на это я бы нерѣшился —
Да какъ же здѣсь ты очутился? —
Да я къ тебѣже прицѣпился,
И съ низу на хвостѣ ты самъ меня занесъ.
Но здѣсь и безъ тебя умѣю я держаться,
И такъ прошу не величаться,
И знай что я — шутъ вихрь отколѣ ни возмись,
И сдунулъ паука опять на самой низъ.
Какъ вамъ, а мнѣ такъ кажутся похожи
На этакихъ нерѣдко пауковъ,
Тѣ, кои безъ ума и даже безъ трудовъ,
Тащатся въ верьхъ держась за хвостъ вельможи;
А надуваютъ грудь,
Какъ будто силою ихъ Богъ снабдилъ орлиной,
Хоть стоитъ вѣтру лишь пахнуть,
Чтобъ ихъ опять на низъ снести и съ паутиной.

III.

Р У Ч Е Й.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно въ тоскѣ
Свою бѣду и свой уронъ не возвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Не давно утонулъ въ рѣкѣ.
Несытая рѣка! ручей журчитъ сердито,
Услыша пастуха: что, естьли бъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякой видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай-бы со стыда ты землю сквозь прорыла
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла;
Какъ осторожно бы вода моя текла!
У каждой хижинки, вкругъ каждаго кусточка,
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка;
Ну словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа ни гдѣ ни бѣдъ ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.
Такъ говорилъ ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.

И чтожъ? не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась:
Богатствомъ водъ ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но ахъ! куда въ ручьѣ смиренность дѣлась?
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ не чисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишь трески слышны въ далекѣ;
И самой тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Недавно онъ пенялъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всемъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.
Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И какъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только отъ того, что мало въ нихъ воды.

IV.

Л Ж Е Ц Ъ

Изъ дальныхъ странствій возвратясь
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и Князь)
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ щету прилыгалъ.
Нѣтъ, говоритъ, что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То Солнце прячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнитъ такъ душѣ отрада!
Ни шубъ ни свѣчъ совсѣмъ не нада,
Не знаешь вѣкъ что есть ночная тѣнь,
И круглой Божій годъ все видишь Майскій день.
Никто тамъ не садитъ, ни сѣетъ;
А естьлибъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ мой творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору:
Повѣришь ли? ну право онъ былъ съ гору.
Ну чтожъ диковинки, пріятель отвѣчалъ:
На сей землѣ чудесъ разсѣяно повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякой примѣчалъ.

Мы сами вопъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты ни гдѣ конечно не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду —
Вонъ видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лѣжитъ — онъ кажется и
простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не
смѣетъ,
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ пожалуй хоть въ каретѣ —
А какова у васъ рѣка? —
Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на-
свѣтѣ!
Хотъ Римской огурецъ великъ, нѣтъ спору въ
томъ:
Вить съ гору кажется, ты такъ сказалъ объ-
немъ? —
Гора хоть не гора: но право будетъ съ домъ —
Повѣрить трудно!
Однакожъ какъ ни чудно;
А все чуднѣе мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца ни какъ не поднимаетъ,
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной,
Диковинка, коль это справедливо. —

Ну не такое еще диво;
Вить надо знать какъ вѣщи есть;
Недумай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы?
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни спать ни сѣсть. —
Пусть такъ; но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однакожъ мостъ-ать нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду?
Хоть Римской твой и чуденъ огурецъ —
Послушайка, шутъ перервалъ мой лжецъ,
Чемъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше
броду.

И. Крыловъ.

ОСМАЯ ПѢСНЬ ИЛІАДЫ *).

Багряная Заря лила на землю Свѣтъ,
Молнелюбивый Зевсъ собралъ Боговъ совѣтъ
На горнихъ высотахъ Олимпа многохолмна,
И тако самъ вѣщалъ средь сонма ихъ безмолвна:
„Склоните Боги всѣ и всѣ Богини слухъ,
„Я возглаголю вамъ, что мнѣ внушилъ мой духъ;
„Да не дерзнетъ жена, ни мужъ между Богами
„Глаголъ мой преступить; но сердцемъ и устами

*) Упражнялся въ переводѣ Иліады никогда бы не посмѣлъ я коснуться къ пѣснямъ Костровымъ переведеннымъ, заслужившимъ справедливое уваженіе. Полагая по изданію и общему слуху, что онъ перевелъ 8 пѣсенъ, началъ я съ 7; Но неожиданно изъ вѣстника Евр. ны ѣшняго года увидѣлъ, что невольно введенъ въ опасное мнѣ состязаніе. Употребивъ однакожъ труды мои на переводъ сихъ самыхъ пѣсенъ осмѣливаюсь одну изъ нихъ, сознавая въ ней слабости, предста ить почтенному сословію Бесѣды, что бы изъ сужденій просвѣщенныхъ читателей увидѣть, не напрасно ли я буду тратить время и на послѣдующія Пѣсни, или изъ замѣчаній людей болѣе меня свѣдущихъ языкъ Греческій, извлечь себѣ пользу.

„Вы всѣ покорствуйте, да совершу завѣтъ. —
„Кого отъ горнихъ силъ втай сердце увлечетъ,
„И въ помощь кто Троянъ, иль Грековъ устремится,
„Тотъ съ срамомъ уязвленъ къ Олимпу „возвратится;
„Или — рукой моей постигнутый онъ въ слѣдъ
„И съ неба сверженный въ тьму Тартара падетъ,
„Далеко, въ глубину той преисподней бездны,
„Гдѣ мѣдяный помостъ и гдѣ врата желѣзны,
„Отъ адскихъ областей толико кратъ вдали,
„Сколь небо звѣздное высоко отъ земли.
„Туда низринутый онъ наконецъ познаетъ,
„Колико всѣхъ Боговъ Зевесъ превозвышаетъ. —
„На пагубу себѣ дерзайте испытать,
„Коль крѣпость силъ моихъ вы хощете познать:
„Златую цепь спущу съ небесной я тверди;
„Низвѣсятся по ней всѣ Боги и Богини;
„Не совлечете вы всей силою трудовъ
„На землю отъ небесъ властителя Боговъ. —

„Когдажъ благоволю я мощь явить предъ вами,
„Восторгну землю я съ великими морями;
„А цепь вокругъ вершинъ Олимпа обложу,
„И все на высотахъ превыспреннихъ здержу. —
„Толь выше я Боговъ, толь выше чадъ вселенной.“ —
Скончалъ; и сонмъ Боговъ глаголомъ пораженной
Безмолвіе хранилъ; Владыка бо Зевесъ
Его съ прещеніемъ ужаснымъ произнесъ.
Но слово начала Аѳина свѣтлолика:
„О Зевсъ, отецъ ~~Боговъ~~, безсмертный нашъ владыка!
„Мы всѣ то вѣдаемъ, что ты необоримъ;
„Но о Данаяхъ мы воинственныхъ болимъ,
„Свершающихъ предѣлъ судьбы къ нимъ тако гнѣвной,
„И гибнущихъ въ конецъ во брани сей плачевной. —
„Воздержимся отъ битвъ, когда претишь ты намъ;
„Совѣты лишь вдохнемъ Ахейскимъ мы сынамъ,
„Да не падутъ они всѣ яростью твоею.“
Тучегонитель Зевсъ смягченный рѣчью сею
Осклабясь рекъ: „дерзай, возлюбленная дщерь,
„Я не враждебные глаголы вамъ простеръ

„И милосердъ къ тебѣ въ моихъ завѣтахъ
строгихъ.“
Скончалъ, и впрягъ въ ярмо коней онъ
мѣдноногихъ,
Лiющихъ блескъ съ златыхъ, волнующихся
гривъ,
Лѣтающихъ какъ вихрь. Все тѣло облачивъ
Во злато чистое, и воспріявъ въ десницу
Златый, прекрасный бичь, вострекъ на ко-
лесницу.
Разить бичемъ, стремя въ бѣгъ пламен-
ныхъ коней
И понеслись они межъ небомъ и землей.—
Ко Идѣ пренеслсь, водами орошенной,
На Гаргарь, холмъ его, дубравой осѣненной,
Гдѣ благовонiя куриль ему олтарь;
Тамъ, — воспянувъ бразды Боговъ и смерт-
ныхъ Царь,
И отрѣшивъ коней, ихъ тьмою ограждаетъ;
Самъ, славой озаренъ, на Идѣ возсѣдаетъ,
И низпускаетъ взоръ всевидящихъ очей
На градъ Троянъ, и сонмъ Ахейскихъ ко-
раблей.
Межъ тѣмъ Ахейская рать снѣдью укрѣ-
плялась;
Возстала отъ трапезъ, и въ брань уготов-
влялась.
Равно въ стѣнахъ Троянъ, числомъ хоть
меньша рать,
По нуждѣ роковой готовилась подъять

За жень и за дѣшей на тяжку брань десницы.
И се, обѣихъ странъ отверзлися стражницы;
Толпясь изъ каждыхъ врать строй шумный истекалъ
И коней и мужей; гулъ грозный вкругъ возсталъ.
Сошлись два воинства и въ битву составились;
Ихъ силы встрѣтились, оружія сразились
И сшиблась съ грудью грудь, шлемъ съ шлемомъ, щитъ съ щитомъ,
Весь воздухъ воззвенѣлъ, раздался трескъ и громъ;
Слились въ единый гласъ и стоны пораженныхъ
И клики грозные побѣдой вознесенныхъ,
Кипящей кровію тамъ поле потекло. —
Доколѣ Солнце ввыспрь по небесамъ текло;
Дотолѣ тучи стрѣлъ съ двухъ странъ равно летали
И въ воинствахъ равно народы упадали.
Когдажъ свѣтило дня взошло въ среду небесъ,
Вѣсы златыя взявъ, взложилъ на нихъ Зевесъ
Два Смерти жребія, сонъ вѣчный наводящей.
Одинъ изъ жребіевъ былъ Трои зло-терпящей,

Гремящихъ бронями Ахейскихъ чадъ другой;
Потомъ десницею вознесъ ихъ предъ собой
И смертный день сыновъ Ахейскихъ знаменался:
Ко хладной бо землѣ ихъ жребій низпускался,
До неба звѣзднаго Троянскій восходилъ.—
Взгремѣлъ отъ Иды Зевсъ и бурно низпустилъ
Горящи молніи на Греческіе строи.
Всѣ блѣднымъ ужасомъ объялися ихъ воиː
Ни вождь Идоменей, ни Царь мужей Атридъ,
Ни съ Оилидомъ самъ Аяксъ Теламонидъ,
Арея грозный другъ стоять не покушался.
Но Старецъ Несторъ тамъ единый оставался:
Неволей, — конь его безсиленъ къ бѣгу былъ;
Паридъ въ него стрѣлу зубчатую вонзилъ
Въ верьхъ выи, надъ челомъ, гдѣ грива начинаетъ;
Смертельна язва тутъ: въ болѣзни конь прядаетъ
И ярый скачетъ въ дыбъ, крилата бо стрѣла
Съ полету сильнаго до мозгу досягла;
Онъ тако пораженъ и болію терзаясь
Смущаетъ всѣхъ коней съ стрѣлою вкругъ вращаясь;
Пилосскій Царь мечемъ сѣчетъ его ремни.
Но мчатся чрезъ толпы дымящіесь кони,

Несущи грознаго владыку колесницы
Ироя Гектора; и отъ его десницы
Пресѣклася бы жизнь Пилосскаго Царя;
Но Діомедъ его въ опасности узря,
Ужасно возопилъ, Улисса призывая:
„Улиссъ божественный, почто ты утекая
„Какъ малодушный мужъ врагамъ вдаешь хребетъ?
„Брегись, да въ плещи кто тебя не прободетъ;
„Постой, да зритъ насъ тутъ сей старцу мужъ грозящій.“
Не слышитъ словъ его Улиссъ многотерпящій
И скоро шествуетъ къ Ахейскимъ кораблямъ. —
Тидсевъ сынъ представъ къ передовымъ рядамъ
И вторгшись, сталъ одинъ предъ Нестора конями,
И такъ воззвалъ къ нему крилатыми словами:
„О Старче! ты уже отъ юношей стѣснень;
„Немоществуешь ты лѣтами удручень:
„Безсиленъ твой клеврет, кони твои коснѣютъ.
„Взойди, возсядь со мной, и узришь какъ умѣютъ
„Троасовы кони путь быстро извивать,

„Вращать назадъ и въ бокъ, бѣжать и настигать;
„Я въ битвѣ ихъ отъялъ у грознаго Энея.
„Твоихъ сподвижники да охранять радѣя;
„А мы, понудивши репивыхъ сихъ коней
„Наскачемъ на ряды біющихся мужей;
„Да и Пріамовъ сынъ познаетъ въ днешней брани,
„Какъ и мое копье неистуетъ во длани.“
Такъ рекъ, и древній мужъ Ироя гласу вняль.
Сѳенелъ и Евримедъ его коней пріялъ;
Самъ съ Діомедомъ онъ возсѣлъ на колесницу,
И хитросплетенны пріявъ брозды въ десницу
Ихъ попустилъ конямъ, ударилъ ихъ бичемъ
И стали вмигъ они предъ Гектора лицемъ. —
Сей ринулся на нихъ, и мощный сынъ Тидея
Пустилъ въ него копье; но храбрый сынъ Ѳевея,
Избранный Гектора возатай Инопей
Копьемъ его во грудь пронзенъ спремя коней.
Онъ палъ и бурные вспять кони совратились;
Исторгся духъ его и члены сокрушились. —
Объяла Гектора скорбь тяжкая по немъ;
Но друга мертваго оставя въ мѣстѣ семъ,

Онъ ищетъ для коней безстрашнаго возницу,
И храбрый Ифитидъ воспекъ на колесницу.
Тогдабъ великая вкругъ сѣча возрасла,
Свершились страшныя, кровавыя дѣла
И заключились бы въ своемъ высокомъ градѣ
Троянскіе полки какъ овцы во оградѣ,
Когдабъ не предузрѣлъ сего отецъ Зевесъ.
Вновь грозно возгремя, низслалъ онъ отъ небесъ
Надъ Діомедомъ громъ въ блистаніяхъ летящій
И предъ коньми на долъ повергъ перунъ горящій:
Ужасный сѣрный огнь восторгся въ верхъ столбомъ,
Кони сотрясшися, въ дыбъ стали подъ ярмомъ;
Исторглися бразды у Нестора изъ длани,
Содрогся духомъ онъ на грозномъ полѣ брани
И къ Діомеду такъ поспѣшно рекъ: „Скорѣй
„Вращай, о Діомедъ, ко бѣгству ты коней:
„Или не чувствуешь, что Зевсъ тебѣ не внемлетъ?
„Побѣды славу онъ въ сей день отъ насъ отъемлетъ;
„Но послѣ дастъ и намъ, когда благоволитъ;
„Его же волю кто изъ сильныхъ отвратитъ?
Но Нестору въ отвѣтъ рекъ вождь бранолюбивый:

„Вѣщанія твои, о старче, справедливы;
„Но тяжкая болѣзнь мое все сердце рветъ:
„Пріамовъ сынъ кичась, между Троянъ речетъ: —
„До кораблей побѣгъ Тидидъ гонимый мною,
„Онъ тако нѣкогда похвалится собою;
„Тогда — пожри меня ты [illegible] земля!
И старецъ отвѣщалъ духъ бодрости лвя:
„Тидеевъ храбрый сынъ, что твой языкъ вѣщаетъ?
„Пусть робкимъ вождь тебя Троянскій называетъ;
„Троянамижъ во лжѣ онъ будетъ обличенъ
„И купно скорбію Троянскихъ красныхъ жень,
„Которыхъ ты мужей, цвѣтущихъ лѣпотою
„Низвергъ на прахъ земли крушительной рукою.“
Вѣщая, обратилъ онъ бурныхъ коней вспять.
Кликъ страшный вознесла вся Иліонска рать,
И одождила ихъ свистящими стрѣлами;
И въ слѣдъ гласъ Гектора взгремѣлъ между полками:
„Тидеевъ сынъ! тебя чествлъ Ахелнъ сонмъ
„Первосѣдалищемъ и брашномъ и виномъ:
„Днесь вѣчный срамъ тебѣ — сравнился ты съ женою.

„Исчезни робкая! скорѣе сей рукою
„Исторгну я твой духъ, чемъ въ градъ ты нашъ взойдешь
„И къ кораблямъ своимъ женъ нашихъ отведешь.“
Такъ рекъ. Сомнѣніе волнуетъ духъ Ироя:
Враг[illegible]ся ли и стать съ Пріамидомъ для боя? . . .
Трикраты духъ его на битву порывалъ;
Трикратъ провидецъ Зевсъ отъ Иды громъ низслалъ,
Побѣды торжество Троянамъ знаменая.
И Гекторъ возопилъ ихъ ревность воспаляя:
„Трояне, Дардане и дружнихъ сонмъ полковъ,
„Мужайтесь, храбрые; какъ прежде станьте вновь.
„Я Зевса познаю ко мнѣ благоволенье:
„Онъ славу мнѣ судилъ, а Грекамъ пораженье.
„Безсмысленный ихъ сонмъ стѣну соорудилъ,
„Оплотъ ничтожнѣйшій для Гекторовыхъ силъ;
„Изрылъ пространный ровъ, ихъ корабли брегущій,
„Но прескакнутъ его кони быстротекущи.
„До стана ихъ, друзья, коль будемъ достигать,
„Всѣмъ о пылающемъ огнѣ тамъ помышлять!

„Да въ пепелъ ихъ суда я обращу огнями,
„Ахеевъ же самихъ, смятенныхъ межъ судами
„Въ дыму и пламени злой смерти всѣхъ предамъ!“
Скончалъ, и обратясь воскликнулъ онъ къ конямъ:
„О Ксанѳъ, и ты Подаргъ, о Лампъ и Ѳеонъ славной!
„Вы отплатите мнѣ теперь всѣ мздою равной
„За попеченіе всегдашнее мое;
„За пищу сладкую и сладко питіе,
„Что Андромаха вамъ обильно предлагала:
„Пшеницей сладкою она васъ насыщала;
„Вино мѣшала вамъ въ потребу питія,
„Впередъ чемъ я вкушалъ, младый супругъ ея. —
„Летитежъ, бурные, постигнемъ сопостаты!
„Исторгнемъ мы отъ нихъ оружія богаты:
„Сей щитъ у Нестора, о немъ же слухъ гремитъ,
„Что съ рукоятьми весь изъ злата онъ отлитъ,
„И съ Діомедовыхъ раменъ броню мѣдяну,
„Служащую хвалой безсмертному Вулкану.
„Коль тако сотворимъ, то льщусь, что гордый врагъ
„Сей нощью побѣжитъ на быстрыхъ корабляхъ.„

Такъ гордый восклицалъ. Юнона раздражалась,
На тронѣ золотомъ во гнѣвѣ всколебалась
И въ основаніяхъ Олимпъ возтрепеталъ.
Къ Нептуну сильному такъ глась ея возвалъ:
„Болишь ли, Посидонъ, о грекахъ ты падущихъ,
„Въ Геликѣ и въ Эгахъ на твой олтарь несущихъ
„Толь многіе дары? возстань и поборай;—
„Коль мы, отбивъ Троянъ, поборникъ Данай
„Восхощемъ духъ смирить въ громвержущемъ Кронидѣ,
„Онъ возкорбитъ, сидя уединенъ на Идѣ.“
Но гнѣвный Посидонъ къ Юнонѣ такъ воззвалъ:
„Дерзскорѣчивая! что твой языкъ вѣщалъ?
„Въ брань съ Зевсомъ не дерзнетъ ни кто между Богами;
„Превысшій бо онъ всѣхъ могуществомъ надъ нами.“
Такъ съ Ирою вѣщалъ Царь волнъ Эносигей.
Межъ тѣмъ, весь долъ за рвомъ отъ стѣнъ до кораблей
Покрылся и коньми и ратниковъ толпами
Бѣгущихъ Аргивянъ, стѣсняемыхъ врагами.
Стѣснялъ, какъ бурный Марсъ, Пріамидъ ихъ полки,

Ведомый крѣпостью Зевесовой руки.
Истилъ бы онъ суда; но Ира отвратила:
Совѣтъ Царю мужей на сердце положила,
Всю греческую рать мгновенно ободрить.
Онъ къ сѣнямъ и къ судамъ заботясь ускорить
Течетъ, подъявши въ верхъ на крѣпкую десницу
Свою великую, блестящу багряницу.
И на Улиссовъ онъ корабль огромный сталъ,
Что межъ судовъ среду пространный занималъ,
Да глась бы съ онаго до двухъ концовъ раздался:
И гдѣ шатеръ вождя Аякса возвышался
И гдѣ Ахилла станъ; они бо отъ вождей
Въ краяхъ поставили рядъ черныхъ кораблей
На крѣпость рукъ своихъ и доблесть уповая. —
Онъ тамо возопилъ, всѣхъ Грековъ порицая:
„Ахеи, подлый родъ, срамъ вѣчный васъ покрылъ!
„Гдѣ дѣлись похваль бы, и гдѣ та крѣпость силъ
„Какъ въ Лемнѣ нѣкогда пирами потѣшаясь,
„Великорогими волами пресыщаясь,
„Изъ чашъ врай налитыхъ пія премного винъ
„Мы похвалялися, что воинъ нашъ одинъ

„Противу ста Троянъ противъ двухъ сонъ сразится?
„А нынѣ съ Гекторомъ весь полкъ нашъ несравнится;
„Онъ пламенемъ пожрешъ всѣ быстры корабли. —
„О Зевсъ! ни одного отъ всѣхъ Царей земли
„Доселѣ не посѣщалъ ты яростью толикой
„И не лишалъ его и славы толь великой! —
„Яжъ, рокомъ злымъ ведомъ чрезъ шумныя моря,
„Нигдѣ не мимошелъ святаго олтаря
Тельцовыхъ тучныхъ бедръ на немъ не сожигая
„Высокій Иліонъ разрушить умоляя.
„Но днесь хотъ симъ, о Зевсъ, вонми мольбамъ моимъ:
„Ты дай отъ сихъ браговъ убѣгнуть намъ самимъ,
„Не потреби нашъ родъ сынами Иліона!“
Скончалъ, и Дій призрѣлъ на плачь Агамемнона;
Ахеянъ воинству спасенье знаменалъ
И вѣщаго орла во знаменье низслалъ,
Еленя юнаго держащаго кохтями.
Быспро спустившись онъ Ахеянъ предъ полками
Еленя предъ олшарь священный низложилъ,

Пророчествъ Богъ Зевесъ блажимъ на коемъ былъ.

Зевеса знаменье Ахеяне узрѣли,
Ударили въ Тролнъ и битвой воскипѣли.
Но ни единъ не могъ отъ множества мужей
Хвалиться, что въ первыхъ пригналъ заровъ коней
И прежде рановалъ, чемъ быстрый сынъ Тидея.
Онъ всѣхъ ихъ упредилъ, и битвой пламенея
Вооруженнаго Троянца низложилъ:
Когда Агелай мужъ въ бѣгъ коней обратилъ,
Копье въ хребетъ ему Тидеевъ сынъ вонзаетъ:
Желѣзо острое сквозь перси проницаетъ,
Оружіемъ гремя, онъ палъ на прахъ земли.
По семъ Агамемнонъ и Менелай текли;
За ними два вождя всегда соединенны,
Аяксы, крѣпостью великой облеченны;
Во слѣдъ имъ Крипа Царь спѣшитъ Иоменей
И Меріонъ Клеврешъ, какъ грозный Богъ Арей
И сильный Еврипилъ оружіемъ блистая. —
За нимъ шелъ Тевкръ, свой лукъ разрывный наляцая,
И подъ Аяксовымъ щитомъ великимъ спалъ. —

Когда Теламонидъ щитъ тяжкій отстраняль,
Ирой вокругъ озря, язвилъ въ толпѣ стрѣлою,
Пронзенный упадалъ и покрывался тьмою;
А Тевкръ, ступя назадъ и лукъ свой опустя,
Къ Аяксу приникалъ какъ къ матери дитя. —
Сей каждый разъ щитомъ Ироя закрываетъ. —
Ктожъ первый изъ Троянъ отъ Тевкра упадаетъ?
Орсилохъ перьвый палъ; въ слѣдъ Ормень, Хроміонъ,
Меланипъ, Офелестъ, Деторъ, Гамопаонъ
И славный Ликофонтъ, полковъ своихъ къ печали,
Одинъ близъ одного на землю упадали. —
Агамемнонъ узря, и радуясь душей,
Что Тевкровъ лукъ тугой расторгъ ряды мужей,
Притекъ и сталъ вблизи, веселіемъ блистая
И рекъ, въ немъ вящій жаръ ко славѣ возбуждая:
„Глава возлюбленна! рази и успѣвай;
„Да будешь свѣтомъ ты, веселіемъ Данай
„И твоего отца, почтенна Теламона.
„Тебя онъ воспріявъ отъ ложа незаконна
„Своей щедротою вскормилъ и воспиталъ,
„И чуждаго тебя, какъ сына въ домъ пріялъ.
„Воздай же ты ему во брани сей кровавой

„И неприсуща здѣсь его покрой ты славой.
„А я реку тебѣ, и тако совершу: —
„Высокій Иліонъ когда я сокрушу
„Соизволеніемъ Зевеса и Паллады,
„То первому по мнѣ — тебѣ я дамъ награды:
„Треножникъ ли злашый, или коней двоихъ
„И съ колесницею и всею збруей ихъ;
„Иль плѣнную жену, да дѣлить одръ съ тобою.“
И юный Тевкръ ему вѣщаетъ съ быстротою:
„Пресвѣтлый вождь! почто, когда я самъ тружусь,
„Еще стремишь къ трудамъ? изъ всей я силы рвусь;
„Съ тѣхъ поръ, какъ прогнаны враги подъ Трою нами,
„Троянъ враговъ съ тѣхъ поръ свергаю я стрѣлами.
„Зубчатыхъ восемь стрѣлъ предъ симъ уже пустилъ,
„И въ храбрыхъ юношей всѣ восемь ихъ вонзилъ;
„Сего жъ пса люпаго стрѣла неулучаетъ.“
Скончалъ, и съ тетивы еще стрѣлу спускаетъ;
Пріамида пронзить всѣмъ сердцемъ онъ желалъ
И мимо пронеслась; но въ грудь стрѣлу приялъ

Младый Горгиѳіонъ, плодъ матери несчастной,
Жены, какъ ликъ Богинь, по образу прекрасной,
Кастіаниры сынъ, которую Пріамъ
Къ сожитію извелъ изъ Ѳзима въ Пергамъ. —
Какъ полный макъ въ саду къ странѣ главу склоняетъ,
Коль плодъ ее и дождь весенній отягчаетъ;
Онъ шлемомъ такъ главу согбенную склонилъ.
И Тевкръ, напрягши лукъ, еще стрѣлу пустилъ.
Грудь Гектора пронзить душа его горѣла,
И быстрая стрѣла — вновь мимо пролетѣла,
Самъ Фивъ ее отвелъ; — но сею жъ въ грудь стрѣлой
Возатай Гектора, вторгавшійся на бой
Архипполемъ сраженъ; бразды на долъ свалились,
Онъ палъ и быстрые вспять кони совратились;
Расторглась мощь его и духъ его изшелъ. —
Смутился вождь о немъ и тяжко возболѣлъ;
Но скоро удалясь о другѣ онъ скорбящій,
Велитъ, да Кебріонъ предстанетъ близъ стоящій,
Пріять бразды коней; сей къ брату поспѣшилъ.

Самъ съ колесницы онъ блестящей соскочилъ,
И камень въ руку взялъ, и страшно восклицая
На Тевкра прямо шелъ убить его алкая. —
Сей горькую стрѣлу изъ тула своего
Изъявъ, на лукъ взлагалъ, какъ ярый вождь — его
Уже напрягшаго, по раму, въ кость плечную,
Гдѣ гибеленъ ударъ, въ связь выйну и грудную
Кремнистымъ каменемъ въ свирѣпствѣ поразилъ
И жилу пересѣкъ;—мракъ взоръ его покрылъ,
Замлѣла въ немъ рука, подсѣклися колѣна,
Изъ длани лукъ упалъ. — Всей крѣпости лишенна
Зритъ брата вождь Аяксъ и жалостью влекомъ
Прибѣгъ, покрылъ его и заградилъ щитомъ;
Два друга въ слѣдъ представъ поспѣшными стопами,
Аластор и Мекистъ его, между толпами,
Сипеляща горестно, ко брегу понесли.
Дій вновь воздвигъ полки Троянскія земли;
Ко рву они Данай погнали низвергая,
И Гекторъ шелъ впреди взоръ грозный вкругъ вращая.

Какъ песъ — льва люшаго, или вепря съ горъ лѣсныхъ
Женешь, надежный самъ на легкосшь ногъ своихъ,
И за хребешъ его и за бока хвашаешь,
И въ обращеньяхъ всѣхъ себя оберегаешь;
Такъ Гекшоръ яросшный въ хребешъ Ахеянъ гналъ,
И каждаго изъ нихъ оспаривающаго сражалъ.
Бѣжали ихъ полки! когдажъ за ровъ и спѣны
Прешли бѣгущіе и множесшва лишенны;
Осшановилися уже при корабляхъ,
Увѣщевая всѣ другъ друга въ сихъ бѣдахъ,
И ко благимъ Богамъ десницы воздѣвая,
И громко къ небесамъ молишвы возсылая. —
Но Гекшоръ вкругъ вращалъ дымящихся коней,
Имѣя страшный взглядъ Горгониныхъ очей. —
Бѣлораменная Юнона возспенала
И рѣчью быстрою Афинѣ шакъ воззвала:
„Увы, о Зевса дщерь! и въ зломъ случаѣ семъ
„Ужель мы гибнущихъ Данаевъ не спасемъ?
„Къ концу приближена ихъ шяжкая судьбина
„Спремленьемъ яросшнымъ воишеля едина.
„Нѣшь, больше несперпимъ въ свирѣпсшвѣ Гекшоръ сей;
„Безъ мѣръ злошворенъ онъ для Грешескихъ мужей!„

Афина жъ такъ рекла, возведши взоръ сердитый:
„Давнобъ сей лютый мужъ извергъ свой духъ несытый
„На отческой землѣ отъ Грековъ низложенъ,
„Но яростью слѣпой отецъ мой омраченъ. —
„Жестокъ, неправеденъ, врагъ всѣхъ моихъ желаній,
„Забылъ онъ, сколько мной истощено стараній,
„Чтобъ сына спасть его отъ грозныхъ тѣхъ смертей,
„Какимъ вдавалъ его свирѣпый Эврисѳей.
„Онъ къ небу плакалъ тамъ, и Зевсъ меня едину
„На помощь низпослалъ къ страдающему сыну.
„О еслибъ все что зрю, прозрѣла я тогда
„Какъ Адовы прешелъ онъ мѣдныя врата,
„Тираномъ посланный, предъ взорами Плутона
„Известь трезѣвна пса отъ Тартарскаго трона;
„Стигійскихъ бы пучинъ Ираклъ неизбѣжалъ!
„Днесь Дій меня отвергъ; Ѳетидѣ онъ внималъ,
„Которая ему колѣны лобызала,
„И дланями браду лаская, умоляла,
„Да стѣнъ рушителя Ахила вознесетъ. —

„Но будетъ, что онъ вновь любезной наречетъ
„И Свѣтлоокую. — Устрой коней ты къ брани;
„Яжъ въ домѣ Зевсовомъ пріиму оружье въ длани,
„И зрѣть тогда хощу, безстрашный Гекторъ сей
„Возрадуется ль намъ средь боевыхъ полей?
„Я мню, что нѣкій тамъ и отъ Троянъ могущихъ
„Насытитъ тукомъ псовъ и птицъ плотоядущихъ,
„Простертый на пескѣ у черныхъ кораблей!„
Рекла, и мощная склонилась Ира къ ней:
Поспѣшно потекла и збруею златою
Украсила коней и снарядила къ бою. —
Аѳина же, вступивъ въ Зевесовъ свѣтлый домъ,
Покровъ, содѣланный перстомъ я трудомъ,
Хипроукрашенный отъ вы и разрѣшаетъ,
На блещущій помостъ какъ волны онъ стекаетъ.
Сама, Царя громовъ бронею облачась,
На брань плачевную оружьемъ ополчась
И въ свѣтозарную востекши колесницу,
Копье тяжелое восхитила въ десницу,
Огромное, ряды крушащее мужей,
Ироевъ дерзостныхъ, противящихся ей. —

Юнона правитъ путь. — Гремя разверзлись сами
Небесныя врата, стрегомыя Часами,
Которымъ ввѣрено владыкою Боговъ
И небо и Олимпъ, чтобъ сонмы облаковъ
Здвигать и раздвигать, путь къ онымъ отверзая.
Путемъ симъ, чрезъ врата Богини протекая
Быстро женутъ коней. — Взнегодовалъ Зевесъ
Отъ Иды ихъ узря; и вѣстницу небесъ
Къ нимъ златокрилую Ириду устремляетъ.
„Ирида быстрая! онъ тако ей вѣщаетъ,
„Лѣти, вращай ихъ вспять; но не своди со мной:
„Не къ радости для нихъ сойдемся мы на бой. —
„Реку и не прейду моихъ завѣтовъ строгихъ:
„Хромыми сотворю ихъ коней крѣпконогихъ,
„И съ колесницы въ прахъ самихъ я низложу,
„И колесницу ихъ на части разражу. —
„Ни въ десять круглыхъ лѣтъ ударъ не изцѣлѣетъ,
„Что на постигнутыхъ мой громъ напечатлѣетъ;
„Да Свѣтлоокая въ вѣкъ помнить бы могла,

„Когда она съ отцемъ въ стязаніе вошла.
„На Иру не гнѣвлюсь; ея строптивость знаю:
„Обыкла разрушать, что я ни помышляю.“
Такъ рекъ онъ, и какъ вихрь Ирида понеслась,
И къ многохолмному Олимпу устремясь,
У самихъ тамо вратъ безсмертныхъ настигаетъ
И коней ихъ препнувъ рѣчь Зевса возвѣщаетъ:
„Куда стремитесь вы? какой васъ гнѣвъ обьялъ?
„Ахеямъ поборать Зевесъ вамъ воспрещалъ.
„Онъ рекъ и не прейдетъ своихъ преще-ній строгихъ:
„Хромыми сотворитъ сихъ коней крѣпконогихъ,
„И съ колесницы въ прахъ самихъ онъ васъ сразитъ,
„И колесницу всю на части сокрушитъ.
„Ни въ десять круглыхъ лѣтъ ударъ не изцѣлѣетъ,
„Который громъ его на васъ напечатлѣетъ;
„Да Свѣтлоокая въ вѣкъ помнить бы могла,
„Когда съ своимъ отцемъ въ спязанье ты вошла.
„На Иру не скорбитъ; ея строптивость знаетъ:

„Обыкла разрушать, что онъ ни помыш-
ляетъ;
„Но лютой, наглою должна ты псицей
быть,
„Когда дерзнешь копье на Зевса возносить!“
Рекла, и вспять взнеслась Ирида зла-
токрила;
Тогда Юнона рѣчь къ Палладѣ устремила:
„Паллада! не хощу на землю низходить,
„Чтобъ съ Громовержцемъ брань за смер-
тныхъ намъ творить.
„Пусть тотъ изъ нихъ живетъ, другой
же погибаетъ,
„Кому какъ суждено; пусть Зевсъ опре-
дѣляетъ,
„Что хощетъ для Троянъ, что хощетъ
для Ахей.“
Вѣщая, вспять стремитъ божествен-
ныхъ коней.
Часы крилатые ихъ скоро отрѣшили
И ко Амврозіи у яселъ прикрѣпили;
А колесницу ихъ поставили, склонивъ
Къ блистающимъ стѣнамъ. Въ небесный
домъ вступивъ,
Богини, скорбь тая въ ихъ персяхъ гнѣ-
вомъ полныхъ,
Возсѣли на престолъ среди Боговъ без-
молвныхъ. —
Тогда съ Идейскихъ горъ коней своихъ
Зевесъ

Направилъ, и взлетѣлъ въ селенія небесъ.
Его коней пріять Царь водъ просперъ десницу,
И на подножіи поставя колесницу
Блестящимъ бѣлизной плашномъ ее обвелъ.
Самъ Громодержецъ Дій на тронъ златый возсѣлъ
И подъ пятой его Олимпъ восколебался. —
Афина съ Ирою, духъ коихъ сокрушался,
Особенно одни, взоръ долу преклоня,
Сидѣли, мрачное безмолвіе храня. —
Вину проразумѣвъ, къ нимъ Зевсъ вѣщаетъ съ трона:
„Что такъ прискорбны вы, Афина и Юнона?
„Не долгій вы въ сей день желали трудъ подъять,
„Чтобъ въ славной брани чадъ Троянскихъ истреблять,
„Сердцами вашими толико не терпимыхъ?
„Такъ, вѣстна мощь и власть сихъ рукъ необоримыхъ:
„Не одолѣютъ ихъ всѣ силы въ небесахъ!
„И нѣжный вашъ составъ проникнулъ прежде страхъ,
„Чемъ вы узрѣли брань и дѣйства брани грозной! —
„Я рекъ и збылся бы завѣтъ мой непреложной:

„Постигъ бы васъ въ пути крушительный мой громъ,
„Вы не прешлибъ во вѣкъ въ безсмертныхъ свѣтлый домъ.“
Скончалъ; Богини же озлобленно дышали,
И вмѣстѣ возсидя, зло Трои умышляли.
Афина предъ отцемъ безмолвной пребыла
И свой кипящій гнѣвъ на сердцѣ понесла.
Юнона своего въ груди невоздержала,
Но къ Зевсу обратясь, такъ гнѣвная воззвала:
„Свирѣпый Кроновъ сынъ! что рекъ ты словомъ симъ?
„Мы всѣ то вѣдаемъ, что ты необоримъ;
„Но сердце въ насъ болитъ о Грекахъ знаменитыхъ,
„Которыхъ злость судебъ, къ нимъ въ ярости несытыхъ,
„Въ погибель привела. — Внемля твой грозный гласъ
„Мы здержимся отъ битвъ; но вѣдай, что отъ насъ
„Совѣтъ спасительный въ сердца Данай вселится,
„Да яростью твоей ихъ родъ не потребится.“
Ей тако отвѣщалъ Гремящій съ высоты:
„Съ зарею утренней узришь коль хощешь ты,
„Великоокая, почтенная Юнона!

„Какъ будетъ болѣе вседѣющій сынъ Крона
„Губить великую Данаевъ славныхъ рать. —
„Не перестанешь бо ихъ сильный Гекторъ гнать,
„Доколь при корабляхъ Пелидъ не возбудится,
„Въ день оный, какъ ихъ рать у самихъ кормъ стѣснится
„И за Патрокла смерть воздвигнеть крѣпкій бой;
„Се тако суждено, и гнѣвъ ничтоженъ твой! —
„Хотя бы ты прешла на край земли и моря,
„Въ обитель мрачную страданія и горя,
„Гдѣ въ вѣкъ не дышетъ вѣтръ, не блещетъ Солнца свѣтъ,
„Гдѣ въ Тартарѣ лежашь Сатурнъ и злый Япетъ;
„Хоть къ нимъ, вѣщаю я, достиглабъ ты блуждая,
„Презрѣнна и тогда мнѣ злость твоя слѣпая,
„Нагляе бо тебя не вѣмъ я никого!“
Умолкла Крона дщерь, внявъ грозный гласъ его. —
Блестящій Солнца свѣтъ низшелъ въ пучину водну,
Ночь мрачную влача на землю многоплодну. —

Въ печаль Пергамлянамъ день скрылся отъ очей;
Но столь отрадная для Греческихъ мужей,
Трекратъ желанная, ночь темная настала. —
Рать бодрая Троянъ совѣтъ съ вождемъ держала;
Онъ вдаль судовъ къ рѣкѣ пучинной ихъ отвелъ,
На мѣсто праздное отъ убіенныхъ тѣлъ.
Они съ коней низшедъ склонили слухъ прилѣжный;
Совѣтъ же имъ творя ихъ вождь Богамъ любезный
Въ одинадцать лактей въ рукѣ держалъ копье,
И ярко вдаль его сверкало остріе
Отъ ясной мѣди, вкругъ златымъ кольцомъ обвитой.
Склонясь на копіе вождь Гекторъ знаменитой
Словами быстрыми вѣщаетъ такъ полкамъ:
„Троляне, Дардане и рать союзныхъ намъ!
„Я нынѣ полагалъ всѣхъ Грековъ съ ихъ судами
„Истнить съ лица земли и возвратиться съ вами
„Въ вѣтристый Иліонъ, — но прежде тьма низшла;
„Она ихъ прогнанныхъ единая спасла. —

„Уступимъ нощи мы, и въ часъ тѣней священныхъ
„Устроимъ вечерю.— Вы коней утомленныхъ
„Избавьте отъ ярма и дайте корму имъ;
„Изъ града нѣкіи скорѣй къ полкамъ своимъ
„Овецъ упитанныхъ, воловъ известь спѣшите,
„И сладкаго вина и хлѣбовъ изнесите.
„Другой же воевъ сонмъ дровъ много собери;
„И пусть чрезъ цѣлу нощь до утренней зари
„Огни ихъ заревомъ до неба востекаютъ;
„Дабы, коль гордые Ахеи пожелаютъ
„По глубинамъ морскимъ въ нощь темную бѣжать,
„Никто на свой корабль не могъ безвреденъ стать!
„Но пусть иной изъ нихъ и въ домѣ лѣчитъ рану,
„Пернатою стрѣлой или копьемъ здѣсь данну
„При бѣгствѣ на суда; да всѣхъ народовъ рать
„Трепещетъ насъ войной плачевною смущать! —
„Во градѣ жъ да велятъ глашатаи священны,
„Чтобъ взрослы отроки и сѣдарцы убѣленны

„Весь градъ блюли съ стражницъ созданныхъ отъ Боговъ;
„А жены бъ возгнѣли по сѣнямъ ихъ домовъ
„Огни великіе. — Пусть крѣпко градъ бережется,
„Да въ нощь отрядъ враговъ коварствомъ не ворвется
„Внутрь стѣнъ безъ воинства. Да будетъ такъ, друзья!
„Что днесь полезно намъ о томъ повѣдаль я;
„А что заутра вновь полезнымъ ощутится,
„Троянамъ всадникамъ все мною возвѣстится. —
„Надѣюсь, что моля превыспреннихъ Боговъ,
„Я изжену отсель сихъ кровожадныхъ псовъ,
„Судьбой враждебною на Трою растравленныхъ,
„И въ черныхъ корабляхъ злой смертью принесенныхъ! —
„На стражѣ будемъ въ нощь; съ багряною зарей
„Воздвигнемъ люпый бой близъ самыхъ кораблей.
„Узрю, меняль къ стѣнамъ Тидеевъ сынъ надменный
„Отринетъ, или самъ сей мѣдью прободенный

„Мнѣ дастъ ко граду влечь кровавый свой доспѣхъ?
„Такъ, завтра мощь свою очамъ онъ явитъ всѣхъ,
„Коль встрѣтиться дерзнетъ съ копьемъ моимъ летящимъ;
„Но первый онъ падетъ предъ Солнцемъ восходящимъ,
„И многіе вокругъ полягутъ съ нимъ друзья!
„О еслибъ истинно былъ такъ безсмертенъ я,
„И нестарѣющій и славимый опять,
„Подобно Локсію и ратницѣ Аѳинѣ,
„Какъ сей грядущій день, есть смертный день враговъ!“
Скончалъ; раздался кликъ отъ всѣхъ его полковъ.
Посемъ отъ ярмъ коней отъ лъющихъ опрѣшили
И ихъ у колесницъ браздами прикрѣпили;
Овецъ, воловъ къ полкамъ изъ града извели,
И сладкаго вина и хлѣбовъ изнесли;
Собрали много древъ, предъ станомъ разложили
И вѣтры тучный дымъ до неба возносили. —
Весь станъ же ихъ кичась, всю ночь сидѣль въ рядахъ;
Огни ихъ въ множествѣ пылали на поляхъ.
Какъ звѣзды на небѣ вокругъ луны прекрасной

Блистаютъ въ полночи безвѣтренной и ясной;
И видны холмы всѣ и горы и лѣса,
И вся пространная небесная краса
Разверзшись съ звѣздами безчисленными зрится,
И пастырь на холмѣ всѣмъ сердцемъ веселится;
Равно межъ Ксанѳа водъ и черныхъ кораблей
Блистало столько же предъ Троею огней.
Тамъ тысяча костровъ огромнѣйшихъ горѣло,
И пятдесятъ мужей вкругъ каждаго сидѣло
Предъ заревомъ огня; кони же крѣпки ихъ
Стоя привязанны у колесницъ своихъ,
Овесъ премѣшанный съ ячменемъ поѣдали,
И лѣпотронныя Авроры ожидали.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ VIII ПѢСНИ ИЛІАДЫ.

Стр. 9 *Да совершу завѣтъ.* Данный имъ Ѳетидѣ, что бы Ахила, Агамемноному оскорбленнаго, прославить уничиженіемъ воинства Греческаго.

Стр. 17 *Отъ адскихъ областей только крать вдали.* Земля, подъ нею адъ, подъ нимъ Тартаръ, по мнѣнію древнихъ.

Стр. 23 *Златую цепь спущу.* — Солнце, говоритъ *Платонъ*, разумѣлъ Гомеръ подъ златою цепью, отъ коего зависитъ воздухъ, земля и вода; *in Theaetet. pag.* 119. Силу солнечнаго притяженія понимали подъ такою цепью Эгипетскіе мудрецы, по мнѣнію *Попе.* — Кругообращеніе звѣздъ, по словамъ *Геракліда Понтій*: всѣ Гомеровы вымыслы изъясняющаго какъ Аллегоріи. Весьма много писали о сей цепи. Но нужно, кажется, перенестись въ вѣкъ Гомеровъ, чтобъ судить о вещахъ того времени; должно обратиться къ той древней простотѣ, которая только по чувству и осязанію все понимала; и представя міръ въ то время воображаемый, сію желѣзную твердь къ коей, по мнѣнію древнихъ, пригвождены всѣ звѣзды; кажется и въ сей цепи, *златою* названной для Эпитета, нѣчего болѣе видѣть, кромѣ воображимой цепи, которую Поетовъ Зе-

весъ хочетъ спустить для знаменованія силъ, и какъ Всемогущій, поднявъ на ней вселенную, прикрѣпить къ Олимпу; разумѣя не гору Θессальскую, но небо, часто Олимпомъ у стихотворцевъ называемое.

Ст. 48 *Коней мѣдноногихъ.* Разумѣя крѣпость ногъ, какъ и Виргилій: *Aeripedem cervam.*

Ст. 56 *На Гаргаръ. . . . . Гдѣ благовоніе курилъ ему олтарь.* Лектонъ, Фалакръ и Гаргаръ, три хребта Идейскіе; изъ нихъ самой высшій Гаргаръ, близъ коего нынѣ Эолической городъ Гаргара, говоритъ *Страбонъ* о своемъ времени. А воздвигать жертвенники на мѣстахъ возвышенныхъ, есть обычай язычниковъ, извѣстный по библіи.

Ст. 68 *Обѣихъ странъ отверзлися стражницы.* Въ стѣнѣ Ахейской и въ Трои врата Скейскія.

Ст. 82 *Вэложилъ на нихъ Эевесъ Два Смерти жребія . . . . .* Зевесъ совершенное свое могущество надъ судьбою смертныхъ покаряетъ правосудію. И языческая древность имѣла кажется высокое понятіе о существѣ Верховномъ. Сіе прекрасное изображеніе Бога, держащаго въ рукѣ вѣсы правосудія, часто встрѣчается въ книгахъ пророковъ. *Псв. X. 10. Іов. XXXI. 6.* Смерти, *сонъ вѣчный наводящей*; послѣднія три слова заключаются въ одномъ ταλαεργὲς Неодолимое свойство языка Гомерова.

Стр. 87 *И смертный день* . . . Картина величественная и ужасная, если вообразить минуту, рѣшающую жребій двухъ рапующихъ воиновъ — одного побѣду, другаго бѣгство.

Стр. 94 *Аякъ Теламонидъ. Атрείδης*: простонародно Атреевичь, принято у насъ Атридъ; посему осмѣлился я и другихъ отчество также употреблять: Пилείωνα Пелидъ, Лаертидъ *и проч.*

Стр. 103 *Съ стрѣлою вкругъ вращаясь; κυλινδόμενος περὶ χαλκῳ, вращаясь вкругъ мѣди. Евставій* принимаетъ за мѣдь стрѣлы; иные за желѣзо колесъ. Я приближался для большей ясности къ мнѣнію *Гейне*, что конь вращался, какъ бы желая выбросить стрѣлу въ него вонзенную.

Стр. 106 *Но мчатся чрезъ толпы дымящіеся кони, Несущи грознаго владыку колесницы* — Невольно возбуждено вниманіе изображеніемъ чего-то необыкновеннаго, взоры приготовлены увидѣть нѣчто великое. . . . . .

Стр. 108 *Ирод Гектора.* Вотъ съ какимъ искусствомъ, я говорю о подлинникѣ, и для какихъ дѣйствій употребляли древніе перенось стиховъ, почитаемый у насъ даже слабостію. Безъ него исчезлабы здѣсь вся красота и сила.

Стр. 116 *Улиссъ многотерпящій, πολύτλας.* Эпитетъ свойственный ему по терпѣнію многихъ несчастій въ странствіи. *Patientis Vlissei. Horat.*

Стр. 119 *И вторгшись, сталъ одинъ* — Одинъ, неу-

боясь грома Зевесова, между толпами Троянъ побѣдителей, чтобъ защитить старца. Дерзки и благородны стремленія сына Тидеева. Съ перваго движенія душа за нимъ увлекается.

Стр. 124 *И узришь, какъ умѣютъ Троасовы кони.* — Умѣютъ, ибо они божественные. Троасъ получилъ отъ Зевеса, въ даръ за похищеннаго Ганимеда, прекраснѣйшихъ коней. Отъ нихъ произошли сіи, отнятые у Энея. *Иліад. V.*

Стр. 132 *Какъ и мое копье неистуетъ во длани.* μαίνεται ἐν παλάμῃσι Гомеръ даетъ душу вещамъ безчувственнымъ. Такъ пророкъ одушевляетъ мечь и лукъ: „отъ крове язвенныхъ и отъ тука сильныхъ лукъ Іонаѳановъ не возвратится тощь вспять и мечь Сауловъ не возвратится тощь.“ 2. *Цар. гла. II.* — Поне, Битобе, Фосъ и Костровъ приняли сію прекрасную фигуру.

Стр. 149 *Тогдабъ великая вкругъ сѣча возрасла.* Ибо Діомедъ оставался на полѣ брани.

Стр. 151 *И заключились бы въ своемъ высокомъ градѣ Троянскіе полки, какъ овцы во оградѣ.* — И можноли ожидать менѣе отъ Ироя, уязвившаго Марса; онъ остается чтобы побѣдить кажется самую судьбу, опредѣлившую торжество Троянъ; и что бы обратить его въ бѣгство, Зевсу должно низвергнуть предъ нимъ громъ, а Нестору употребить всю мудрость совѣта. Гжа *Дасье.*

Стр. 165 *Надъ Діомедомъ громъ въ блистаніяхъ летящій.* Какое поле для живописца

въ семъ величественномъ смятеніи полковъ Ахейскихъ, неистощимо обогащаемомъ превосходными вымыслами! Попе говоритъ, что художнику стоитъ только списывать.

Стр. 170 *Пріамовъ сынъ кичась, между Троянъ речетъ: До кораблей бѣжалъ Тидидъ.* — Какой стыдъ благородной! — У тѣхъ народовъ, говоритъ мудрый *Аристотель*, приводя сей стихъ, наиболѣе должно быть храбрыхъ мужей, между коими и хвала и безчестіе будутъ и опъ однихъ словъ глубоко чувствуемы. *De Morib. Lib. XI.*

Стр. 181 *Вѣщая, обратилъ.* Недожидаясь отвѣта Діомедова. Несторъ зналъ, что онъ и послѣ перуновъ Зевесовыхъ самъ не рѣшится на бѣгство. Гжа *Дасье.*

Стр. 191 *Сомнѣніе волнуетъ духъ Ироя.* Сомнѣніе, т. е. *стать ли противу Гектора, или,* слѣдуетъ мысль противная, *бѣжать?* но о послѣднемъ Діомедъ помыслить не можетъ; или лучше сказать, Гомеръ и мысли такой дать ему не хочетъ; а напротивъ какими рѣзкими чертами поддерживаетъ онъ характеръ его:

Стр. 193 *Три краты духъ его на битву порывалъ:* Самаго Ахила хочетъ кажется поэтъ замѣнить симъ Ироемъ, какъ видно повсему, безмѣрно любезнымъ его сердцу, для котораго кромѣ что даетъ онъ во всей Иліадѣ толь многіе случаи къ подвигамъ, гдѣ мужество его всегда впреди всѣхъ блистаетъ, къ

совѣтамъ, гдѣ въ уста его влагаетъ чувства благороднѣйшія и мысли высокія; но опредѣлилъ для него цѣлые пѣсни и V[10], имени Ироя посвященную, исполнилъ такою силою и пламенемъ, что нѣкоторые Греческіе врачи своимъ больнымъ совѣтывали читать ее въ лихорадочныхъ ознобахъ. И въ сей пѣсни, гдѣ такъ мало онъ дѣйствуетъ, можно видѣть, до какой степени заботилося о немъ сердце Гомера. Трекрашный токмо громъ Зевеса принудилъ браннолюбиваго Діомеда удалиться отъ брани, и стихотворецъ ни слова не выговариваетъ о семъ удаленіи.

Ст. 216 *Андромаха валъ обильно предлагала.* Естественность рѣчи обращенной къ конямъ и красоту подобныхъ положеній, въ какомъ представлена здѣсь Андромаха, можетъ быть единственно мы, народъ не вовсе еще разлученный съ простотою нравовъ, въ состояніи чувствовать и не переносясь, какъ совѣтуетъ Гжа Дасье, въ тѣ вѣки, когда Царевны выходили за ворота встрѣчать брата или супруга, возвращающагося съ поля брани, и въ радости сердца, подбѣгали къ конямъ, ласкали ихъ и давали имъ вина и хлѣба. — Времена сіи еще знакомы воображенію Россіянъ. Пшеницу и вино давать конямъ, есть обыкновеніе Арабовъ и Эгиптянъ. *Schl. ven. B.*

Ст. 225 *Коль тако сотворимъ.* Гекторъ ласкается совершенною побѣдою, когда убьетъ Діомеда и Нестора. Поэтъ вмѣсто униженія сихъ вождей бѣгствомъ, еще болѣе возвышаетъ ихъ славу. *Бит.*

Ст. 228 *На тронѣ золотомъ во гнѣвѣ всколебалась*
И въ основаніяхъ Олимпъ вострепеталъ,
Что Юнона, справедливо замѣчаетъ Гжа *Дасье*, производитъ движеніемъ всего тѣла, то Зевесъ дѣлаетъ однимъ мановеніемъ черныхъ бровей. — *Гомеръ видѣлъ Боговъ*, сказалъ нѣкто изъ древнихъ.

Ст. 232 *Въ Геликѣ и въ Эгахъ. Гелика* небольшой городъ, находившійся въ Ахаіи на 12 стадій отъ моря, въ которомъ былъ храмъ Нептуну. *Эги* той же области городъ, лежавшій не далеко отъ Геліки. *Strab. pag.* 385.

Ст. 251 *Течетъ подъявши въ верхъ.* Чтобы какъ знаменемъ привлечь взоры Грековъ; ибо въ то время никакихъ еще воинскихъ знаковъ не существовало. *Гейне.*

Ст. 257 *Они бо отъ вождей.* Во всѣхъ пѣсняхъ, въ которыхъ Ахилъ не дѣйствуетъ, нѣтъ случая, гдѣ бы поэтъ упустилъ изъ виду славу Героя поэмы; во всей поэмѣ нѣтъ важнаго дѣйствія, которое бы не происходило отъ одной пружины, движущей весь ходъ ея, отъ гнѣва Ахилова. И сыскиваются люди, желающіе доказать, что Иліада есть собраніе пѣсенъ разныхъ сочинителей; доказательства свои основываютъ они

грамматическими умствованіями на разности діалектовъ, не входя въ причины ихъ употребленія. Но твореніе Иліады будетъ всегда говорить за Гомера, какъ вселенная за единаго творца своего.

Ст. 226 *Мы похвалялися.* Съ великимъ искуствомъ, что бы смягчить упреки свои и не раздражить вождей, Агамемнонъ говоритъ въ первомъ лицѣ. *Eustath.*

Ст. 292 *Онъ всѣхъ ихъ упредилъ.* И послѣдній отшелъ и первый устремился къ брани Діомедъ. Не возможно было Александру Македонскому не плѣняться Ироями Гомера.

Ст. 304 *Лукъ разрывный наляцал.* Παλίντονα τόξα, *вновь, назадъ тянущій, обратно отскакивающій*; обыкновенное свойство луковъ. Почему и трудно согласиться чтобы эпитетъ сей означалъ будто особый родъ луковъ, Арабамъ Геродотомъ приписываемыхъ: Τόξα δὲ παλίντονα εἶχον πρὸς δεξιά, μακρά. *Polym.* 178 — которые, какъ утверждаетъ *Гейне* толкованіемъ *Вилькена*, могли изгибаться и напрягаться *in utramque partem.* Ни грамматическое значеніе слова: πάλιν, *снова, обратно*; Τείνω, *тяну, напрягаю*; ни текстъ Геродотовъ въ семъ не убѣждаетъ; а еще болѣе всѣмъ извѣстное свойство и у всѣхъ народовъ полагаемое за доброту луковъ: ихъ *упругость*, которая въ вещахъ, удобно

на обѣ стороны изгибающихся, существовать не можетъ; но которая напротивъ въ хорошихъ лукахъ до такой степени простирается, что когда тетива случайно соскочитъ съ рога, то лукъ, силою всегда обратно его стремящею, весь назадъ сварачиваетъ въ дугу и только однимъ искуствомъ можно вновь расправить его; иногда же при сильномъ напряженіи разрываетъ тетиву. *Разрывный*, *разрывчатый* лукъ, эпитетъ встрѣчаемый въ старинныхъ нашихъ стихотвореніяхъ, ясно изображаетъ сіе свойство; и я осмѣлился употребить его, принявъ первое мнѣніе *Гейне*, что *παλίντονος* есть просто поэтическій эпитетъ хорошаго лука, много разъ въ Иліадѣ употребленной.

Ст. 310 *Къ Аяксу приникалъ.* Съ какою пріятною и совершенно новою картиною смѣшаны грозные виды брани. Аяксъ, замѣчаетъ *Евстаѳій*, хотя стоитъ еще празденъ, но гораздо большимъ Ироемъ кажется онъ предъ Тевкромъ, поразившимъ многихъ мужей.

Ст. 324 *Тебя онъ воспріявъ отъ ложа незаконна.* Отъ Гезіоны сестры Пріама родился Тевкръ, которую Геркулесъ какъ плѣнницу отдалъ Теламону. Такое рожденіе не почиталось въ Ироическіе вѣки предосудительнымъ. Андромаха у Еврипида говоритъ: что она, дабы ничемъ не огорчить возлюбленнаго Гектора, дѣтей незаконно отъ него ра-

ждаемыхъ, часто питала своею грудью. *Дѣйст.* 1. *Ст.* 221.

Ст. 325 *Иль плѣнную жену, да дѣлитъ одръ съ тобою.* При всѣхъ подобныхъ мѣстахъ вспомнимъ вѣки древніе. — Поэзія первыхъ народовъ должна быть разсматриваема, какъ вѣрное изображеніе ихъ нравовъ, обычаевъ и характера.

Ст. 350 *Изъ Эзила въ Пергамъ.* *Эзилъ*, городъ бывшій въ Европейской Ѳракіи.

Ст. 351 *Какъ полный макъ въ саду.* И юность и красота Горгиѳіона видима въ семъ живомъ сравненіи. Виргилій прекрасно подражая симъ стихамъ, IX, 434, пѣмъ ниже Гомера, говоритъ Попе, что изображая смерть Эвріала красками, изъ Гомера же взятыми, опустилъ лучшую красоту, главу, *отягченную шлемомъ.* Но всегда можно извинить Виргилія, который во всей своей Поэзіи состязался съ симъ однимъ образцомъ (Гомеромъ), божественности коего съ силою человѣческою уподобиться не возможно. *Macrob. Lib. V. Cap.* 13.

Ст. 371 *По раму, въ кость плечную,*
Гдѣ гибеленъ ударъ. Подобныя мѣста, свидѣпельспвующія о свѣденіяхъ Гомера въ Анатоміи, приводитъ *Haller Biblioth. Anatom.*—И такъ, пѣпъ стало быть науки, въ которой бы совершенныя свѣденія не были не обходимы спихотворцу, особенно эпическому, если онъ хочетъ жить въ потомспвѣ? Истина, кажется, не весьма пріятная.

Un poëme excellent . . . . .
N'est pas de ces travaux qu'un caprice produit.
Il veut du temps, des soins; et ce pénible ouvrage
Iamais d'un Ecolier ne fut l'apprentissage.
Boil.

Ст. 410 *Но яростью слѣпой отецъ мой омраченъ.* Т. е. вознося славу Троянъ и грозно воспрещая Богамъ участвовать въ брани.

Ст. 415 *Онъ къ небу плакалъ тамъ.* Горькая насмѣшка противъ Геркулеса, во всю жизнь не пролившаго ни одной слезы; она не справедлива, но прилична; ибо Аѳина предъ ненавидѣвшей его Ирою говоритъ о немъ, и то по необходимости, что бы показать сколько Зевесъ неблагодаренъ передъ нею.—„Адскій песъ во времена Гомера не имѣлъ еще имени Цербера; оно послѣ вымышлено стихотворцами.„ *Pavsan. pag.* 275.

Ст. 458 *Стрегомыя Часами.*—Часы въ семъ прекрасномъ вымыслѣ то, что мы называемъ временами года, которые отверзаютъ или закрываютъ небо, приближая и отдаляя облаки. *Гейне.*

Ст. 467 *На Иру не гнѣвлюсь.* Кто не увидитъ здѣсь природы страстей? Менѣе, говоритъ *Евстаѳій*, прогнѣвляетъ насъ обида тѣхъ, которые часто ихъ намъ наносятъ; но болѣе несносна обида человѣка, отъ котораго не ожидали ее.

Стр. 476 *Хромыми сотворитъ.* Такія повторенія слово въ слово рѣчей вѣстниками боговъ или гадашанями составляютъ отличительное свойство восточныхъ въ древности писателей. Въ книгахъ пророковъ онѣ весьма часто встрѣчаются. Свойство сіе основано кажется на самой природѣ; на томъ благоговѣйномъ почитаніи, какое въ старые вѣки питали къ властямъ и повелителямъ; и ихъ рѣчи, сохраняя въ устахъ какъ нѣчто священное, пересказывали слово въ слово. Повторенія сіи, а особенно если близки отъ словъ повелителя, придаютъ рѣчамъ необыкновенное величіе. И сего роду красота можетъ быть чувствуема нами болѣе другихъ Европейскихъ народовъ. Повелѣваемое господиномъ и до сихъ еще поръ слово въ слово повторяется служителями, а особливо въ среднемъ состояніи; ибо изъ высшаго удалилась уже простота Патріархальная.

Стр. 485 *Но лютой, наглою.*—*Гейне* кажется справедливо слова сіи относитъ къ Юнонѣ, а не къ Аѳинѣ.

Стр. 491 *Пусть тотъ изъ нихъ живетъ, другой же погибаетъ.* Истинная Юнона! строптивая и гордая, которая, не возмогши исполнить къ чему такъ сильно стремилась, дѣлается равнодушною къ судьбѣ и любезныхъ и ненавистныхъ ей. *Ernest.*

Стр. 598 *Къ блистающимъ стѣнамъ.* Отъ мѣди или золота, какими украшены зданія въ селеніяхъ небожителей.

Стр. 523 *Богини же озлобленно дышали.* δὴ ἐτέμυξαν, *вздыхали зжавши уста; дышали, какъ естественно въ гнѣвѣ, ноздрями*; просто народно, *сапѣли.* Таково свойство языка Гомерова: въ словѣ и видишь дѣйствіе и слышишь звукъ его. ἐτέμυξαν, Горе переводчикамъ!

Стр. 539 *Великоокая, почтенная Юнона.* Тяжкая и горькая учтивость! величать того, кѣмъ раздражены и кому гнѣвно угрожаемъ. Самое обыкновенное дѣйствіе страсти, но поэтомъ какъ оно облагорожено.

Стр. 544 *Въ день оный, какъ ихъ рать.* Возбуждается вниманіе, какъ въ книгахъ пророковъ, предреченіемъ будущаго, совершающагося въ XVI и послѣдующихъ пѣсняхъ. *Ла Мотъ* упрекаетъ между прочимъ Гомера, что онъ открывая будущее, лишаетъ читателя le plaisir de la surprise. Древніе писатели находили и безъ того довольно способовъ поражать души; и Гомеръ, справедливо замѣчаетъ *Битобе*, кажется былъ увѣренъ, что поддержитъ *интересъ* Поэмы и безъ *сюрпризовъ.*

Стр. 547 *На край земли и моря*; т. е. „въ шартаръ, чтобы возбудить противу меня Тифановъ шуда низверженныхъ.“ Ибо путь къ нему былъ по мнѣнію древнихъ на западномъ концѣ земли, за океаномъ